

**КОДЗИ
СУДЗУКИ**

ЗВОНОК

УЖАС ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА

*Там внизу нет ничего
страшного. Твой самый
главный враг — это твоё
убогое воображение.*

Кодзи Судзуки

Нечто (Алгоритм)

Кодзи Судзуки

Звонок. Ужас из телевизора

«Алисторус»

1991

УДК 82-312.9
ББК 84(5Япо)6-44

Судзуки К.

Звонок. Ужас из телевизора / К. Судзуки — «Алисторус»,
1991 — (Нечто (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-575-1

Кодзи Судзуки – «японский Стивен Кинг», признанный мастер современного хоррора, кайдана и крипипасты. Именно по его книгам были сняты такие фильмы, как «Звонок» и «Темные воды». Перед вами – главный роман великого японского автора, ставший основой для множества последующих экранизаций (некоторые из них до сих пор входят в топы самых страшных фильмов ужасов в истории человечества). История Садако Ямамуры, проклятой кассеты и проклятия, обрушивающегося на каждого, кто посмотрит пленку, – не оставит равнодушным никого.

УДК 82-312.9
ББК 84(5Япо)6-44

ISBN 978-5-00269-575-1

© Судзуки К., 1991
© Алисторус, 1991

Содержание

Глава I	6
1	6
2	10
3	14
4	17
5	22
6	24
Глава II	31
1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кодзи Судзуки
Звонок
Ужас из телевизора

© Судзуки К., 2026

© Байбикова Е., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава I

Ранняя осень

1

5 сентября, 22:49 Иокогама

В северном конце спального района, что примыкает к парку Миккэй, выстроились в ряд несколько жилых многоэтажек, едва построенных, но уже почти до отказа заселенных. В каждом доме квартир сто или около того, но соседи в большинстве своем не знают друг друга в лицо, и горящие ночные окна – единственное свидетельство их присутствия дома.

С юга покачиваются тяжелые морские волны, яркими сполохами отражая дежурные огни какого-то комбината. Его стены со всех сторон оплетены бесчисленными трубами, чемто смахивающими на вывернутые наружу внутренности, облепленные мириадами светлячков, так что какойнибудь оригинал мог бы даже счесть этот пейзаж красивым. На поверхности моря, и без того черной, тень завода зияет бездонным темным провалом.

И тут же, в какойто паре сотен метров от заводских стен, разбит жилой микрорайон, с севера на юг пересеченный шоссейной дорогой одностороннего движения. В некотором отдалении от основной застройки одиноко торчит новенький, с иголки, двухэтажный коттедж дверями на дорогу и с гаражом на одну машину. Самый обыкновенный, типичный для новых районов дом, какие можно увидеть где угодно. С той лишь разницей, что ни дальше, ни по бокам нет и тени жилья. То ли подъезды сюда неважные, то ли просто покупателей не нашлось, но везде понатыканы таблички с надписями, что земля продается. По сравнению с многоквартирными домами, заполненными жильцами на следующий же день после сдачи, пейзаж более чем жалкий.

Из распахнутого окна второго этажа на асфальт льется тусклый цвет ночника. Во всем доме свет горит только в комнате Тиэко. Тиэко Оиси – без пяти минут выпускница частной женской гимназии – сидит в своей комнате на полу за низким столиком в шортах и белой футболке, в неудобной позе, развернув ноги к вентилятору. Глядя в задачник, то и дело приподнимает край майки, подставляя кожу под струю прохладного воздуха, и беспрерывно посылает в пустоту стенания на тему жары. Видимо, жара виновата в том, что к концу беззаботно проведенных каникул неожиданно возникли горы несделанных уроков. Честно говоря, нынешнее лето не особенно теплое: солнечных дней выдалось мало, да и купальщиков понаехало куда меньше, чем бывает в иные годы. Но стоило закончиться каникулам, и вот тебе, пожалуйста: лето спохватилось и выдало пять дней непрерывной жары. Циничные выходки погоды вызывали у Тиэко неврозы.

– Ну, какие, блин, занятия в такую жару!

Расчесав волосы пятерней, Тиэко на полную громкость включила радио. Мотылек, прикорнувший на оконной сетке, тут же вспорхнул как ошпаренный, и кудато улетел, не справившись с потоком воздуха от вентилятора. Когда несчастное насекомое скрылось во мраке, сетка еще некоторое время подрагивала.

С учебой явно не ладилось. При всем желании охватить объем завтрашней контрольной не было никакой надежды.

Она посмотрела на часы. Уже почти одиннадцать. А не поглядеть ли по ящику спортивные новости, кто там кого обыграл в бейсбол, и вообще?... Может, и родители на трибуне мелькнут. Вот только тесты завтрашние покоя не дают и из головы не выходят. А Тиэко нужно во что бы то ни стало прорваться в университет. Хоть куда. Лишь бы было заветное «верхнее

образование». Но, опять же, бесславно закончить летние каникулы тоже непозволительно. Как соберешься отдохнуть с отрывом – так плохая погода, а как самое пекло – сиди и занимайся, себя превозмогая, героически и стойко...

...Ведь последние же школьные каникулы, все-таки. А так хотелось чего-нибудь такого, чтобы... чтобы оного! Последнее лето, когда можно называться гордым именем schoolgirl, а дальше все – облом. Мда, и на сердце кручина, и в жизни мешанина.

...Вообще уже! Дочь науку грызет, себя не помня, а они вдвоем на стадион упорхали, просто ни стыда, ни совести!

Родители где-то на работе достали билеты на бейсбольный матч с участием «Giants» и укатили в центральный токийский спорткомплекс. По идее, игра уже должна закончиться, и пора бы им быть дома, если, конечно, по пути куданибудь не зарулили. А то сидишь тут, одна на все четыре комнаты стандартной планировки.

Несмотря на отсутствие дождей всю последнюю неделю, воздух был странно влажным. Сначала казалось, что это собственный пот, но нет – в комнате словно спреем побрызгали. Тиэко инстинктивно шлепнула себя по бедру. Подняла ладонь: комара не было. Маленькая точка на ноге слегка чесалась, но похоже, это просто игра воображения. «Зззззззз», – где-то у самого уха. Тиэко замахала рукой перед лицом. Муха на секунду пропала из вида и появилась у двери, меняя высоту и убегая от вентилятора. Как она сюда попала, интересно? Дверь заперта. Может быть, щель в оконной сетке? Нет, ничего такого, где муха могла бы пролететь. Почему-то одновременно захотелось пить и потянуло по нужде...

Не то, чтобы стало трудно дышать, но в легких стало тесно, и какая-то непонятная сила сдавила грудь. Тиэко только что вслух поносила жару, на чем свет стоит – а тут замолчала, точно ее подменили. Спускаясь по лестнице, почувствовала непонятное сердцебиение. По стенам пробежал свет от фар автомобиля, проходящего по дороге перед домом. Когда шум мотора затих вдаль, темнота стала еще чернее. Тиэко, нарочно разговаривая громким голосом, спустилась по лестнице и включила свет в коридоре.

Помочившись, еще некоторое время сидела на унитазе. Сердцебиение не утихало. Никогда такого не было. Что это с ней? Несколько раз глубоко вздохнула, встала, натянула шорты.

– Мама, папа, приходите скорее.

Она разом утратила гонор и заговорила как обычная девочка.

– Ой, кому это я?...

Тиэко звала родителей, но на самом деле обращалась не к ним, а говорила с кем-то другим.

– Пожалуйста, не пугайте меня...

Неожиданно для себя, она стала говорить совсем вежливо.

Вымыла руки над кухонной раковиной. Трясущимися пальцами достала из морозильника лёд, бросила в стакан. Расплескивая второпях, налила колы. Залпом выпила, поставила стакан на кухонную стойку. Кубик льда в нем повертелся и замер. Ее знобило, словно от холода. Жажда не унималась. Тиэко опять достала полуторалитровую бутылку колы из холодильника, дрожащей рукой снова наполнила стакан. Дыхание за спиной. Но это не человек, это не может быть человек! Кислый запах гнилого мяса повис в воздухе, облепляет, обволакивает со всех сторон плотной массой, но ведь это... это не может быть плотным.

– Не надо, ну пожалуйста, не надо! – вслух взмолилась Тиэко.

Над раковиной замигала и померкла белая пятнадцативаттная лампочка. Почти не горит... А ведь еще совсем новая... В голове мелькнула мысль: «Надо было включить весь свет». Но сейчас уже не дойти до выключателя. Она даже оглянуться не в состоянии! Сзади что-то есть... Бумажные перегородки, пол в восемь татами, буддийский алтарь в нише. Шторы на окне раскрыты, должен виднеться поросший травой пустырь, а над ним клетки огней жилых многоэтажек. Казалось бы, только это...

Выпив еще полстакана колы, Тиэко вообще утратила способность двигаться. Ощущение чьего-то присутствия было уже слишком сильным, слишком отчетливым, чтобы просто списать его на игру воображения. Вот и сейчас что-то вырастает за спиной, вот-вот коснется шеи...

...Ой, а если это *оно*?...

Нет, нет, даже и думать не хочется. Потому что иначе вообще не избавится от этих мыслей, от этого нарастающего и нестерпимого ужаса. Она ведь уже почти забыла то, что случилось неделю назад. Нельзя даже вспоминать об этом. После возвращения домой, атмосфера большого города уже почти выветрилась из души мерзкий осадок, почти стерла из памяти жуткую картину, поначалу отчетливую, но теперь уже больше похожую на чью-то нелепую шалость. Тиэко попыталась думать о чем-нибудь более веселом, более... другом. Но если... если то, что случилось – правда, то тогда... Но ведь так оно и было! Ведь телефон действительно звонил!

...Аааа! Папа, мама, ну где вы... Скорее, скорее приходите!

Тиэко кричала во весь голос. Но даже крик не спугнул странную тень, не заставил ее обнаружить себя. *Это* затаилось за спиной, ему нужен был только повод...

В свои семнадцать лет Тиэко еще не понимала истинного значения страха. Но уже знала, что он есть нечто, произвольно возникающее в воображении.

...Хорошо, если... Ну, конечно же, так оно и есть. Я сейчас оглянусь, и ничего не случится. *Там ничего нет!*

Тиэко охватило желание оглянуться. Обернуться, чтобы разом развеять подозрения, чтобы как можно скорее вырваться из этого глупого состояния. А вдруг ничего не обойдется? Спина покрылась пеной. Гадкий холод охватил плечи и сползал ниже и ниже, сковывая мышцы спины, майка насквозь пропиталась ледяным потом. Разве выдуманный страх может так чувствоваться в теле?

...Кто-то же говорил: тело еще чувствительней разума.

С другой стороны, дар речи не пропал. Ну же, обернись, откуда там чему взяться? Допи-вай свою колу, и марш делать уроки! Иначе провалишь к чертям все свои экзамены.

В стакане с треском раскололся лед. И, словно подстегнутая этим звуком, Тиэко резко повернулась назад.

5 сентября, 22:50

Токио, перекресток перед вокзалом Синагава

Свет сменился на желтый. Можно было и ехать, но Кимура остановил такси поближе к тротуару: неплохо бы подобрать пассажира до перекрестка Роппонги. Отсюда многие едут туда или в Акасака, и пока ждешь светофора, нередко кто-нибудь да подсядет. Обогнав машину слева, прямо перед переходом затормозил мотоцикл с «джинсовым» парнем в седле. Кимура терпеть не мог разнузданно рассекающих там и сям мотоциклистов, а уж те, кто нагло вылезал вперед при остановке на красный свет или останавливался прямо перед дверями такси, вовсе выводили его из себя. Сегодня весь день пассажиров было мало, настроение было подавленное, и Кимура скучающим взглядом разглядывал байкера. Лицо парня скрывалось под забралом гермошлема, так что трудно было судить о его выражении, но сидел он вызывающе неряшливо, разведя ладони в стороны и опершись ногой о бордюр тротуара.

Там как раз проходила молодая стрелоногая девица, и гермошлем мотоциклиста синхронно поворачивался вслед за ней. Но досмотреть до конца у парня не получилось. Повернув голову градусов на сорок пять, он вдруг застыл, уставившись в витрину по левой стороне улицы. Девушка уже вышла из его поля зрения и растворилась в толпе, но он так и не сменил позы, и, не отрываясь, смотрел непонятно куда. Зеленый сигнал пешеходного светофора замигал, сменился красным. Опоздавшие пешеходы семенящим шагом перебежали дорогу перед самым носом такси. Никто не поднял руку, подзывая машину, и Кимура нажал на газ, готовясь двинуться на зеленый.

Но в этот момент парень, сидевший на мотоцикле, вдруг дернулся всем телом, неуклюже взмахнул руками и вместе с мотоциклом повалился на бок в сторону такси Кимуры, скрывшись за капотом машины.

– Идиот чертов! Не иначе, равновесие потерял и грохнулся, – подумал Кимура, включил аварийные фары и вышел из машины, уже готовый представить мотоциклисту кругленький счет за неминуемо расцарапанную дверь. Уже дали зеленый свет, и такси стали обгонять стоявшие сзади машины. Парень валялся на асфальте, дрыгая ногами и пытаясь руками снять шлем. Но прежде чем заняться им, Кимура счел нужным позаботиться о собственном «орудии труда». Как он и предполагал, дверь была обезображена глубокой косой царапиной.

– Черт!

Ругаясь сквозь зубы, Кимура подошел к лежащему мотоциклисту. Гермошлем был накрепко застегнут под подбородком, но парень всеми силами пытался сдернуть его, как будто хотел оторвать себе голову.

– Неужели ему и правда так плохо...

Кимура наконец прозрел, что с парнем творится что-то неладное, и присел на корточки рядом.

– Эй, ты чего?

Иза темного стекла гермошлема было абсолютно невозможно разобрать выражение лица, но парень умоляюще схватил руку Кимуры и отчаянно пытался что-то сказать, но произнести ничего не мог. Кимура решил не мешкать.

– Ты погоди, я сейчас скорую вызову.

Уже несясь во всю прыть к таксофону, Кимура все не мог взять в толк, как могло обычное падение на ровном месте довести человека до такого состояния: «Головой он шарахнулся неудачно, что ли... дурь какая-то. У него же, болвана, шлем на голове. Руки-ноги вроде не переломаны... Только бы без дурацких проблем обошлось. А то, чего доброго, придется оправдываться – он ведь о мою машину стукнулся. И пошло дело: мало уведомления об аварии – тут тебе еще и полиция в придачу».

Вызвонив скорую помощь, Кимура вернулся на место: парень уже не двигался. Он лежал, обхватив ладонями горло. Вокруг уже толпились озабоченно глазающие прохожие. Кимура протолкался сквозь строй зевак и во всеуслышание сообщил, что уже вызвал подмогу.

– Эй, парень, слышь, ты живой? Потерпи, сейчас скорая придет.

Кимура расстегнул ремешок гермошлема, и тот снялся на удивление легко: трудно даже поверить, чтобы человек так мучился, что снять его не мог. Но не это поразило Кимуру. Все лицо парня было перекошено. Если уж подбирать слова к его выражению, напрашивалось одно – изумление. Глаза навываля, красный язык запал глубоко в горло, весь рот в пене... Тут скорая уже не поможет. Еще снимая с него шлем, таксист заметил, что пульс не прощупывается там, где ему положено быть. Кимуру передернуло. Резко расхотелось верить в реальность происходящего.

Колеса упавшего мотоцикла все еще медленно вертелись. Черная струйка масла бежала из двигателя, и, растекаясь по асфальту, уходила в канализационную решетку. Ветра не было. Гдето наверху, на фоне чистого ночного неба, зеленый сигнал светофора снова сменился красным. С трудом поднявшись и ухватившись за ограждение тротуара, Кимура еще раз оглядел лежащую на асфальте фигуру мотоциклиста: голова его стояла почти под прямым углом, подпираемая гермошлемом. С любой стороны, зрелище было неестественное. – Неужели это я ему так... под голову... шлем... вместо подушки?... Зачем? Подумать только, несколько секунд назад было дело – а уже и не вспомнить. Вытарашенные остекленевшие глаза смотрели прямо на него. По спине пробежал неприятный холодок. Как будто плечи обдало тепловатым и одновременно каким-то промозглым ветром. Несмотря на жару субтропической ночи, Кимура не мог обуздать непонятный озноб во всем теле.

2

В почти зеленой воде внутреннего рва отражалось раннее осеннее утро. Сентябрьская жара шла на убыль.

Кадзуюки Асакава уже собрался было спуститься на платформу метро, но вдруг передумал и, вспомнив о водной глади, такой красивой с девятого этажа, повернул к лестнице, ведущей на улицу. Спускаться куда-то под землю после душной и пропахшей непонятно чем редакции было все равно, что добровольно топиться в помойной бадье – уж лучше выйти наружу и глотнуть свежего воздуха. При виде яркой зелени парка вокруг императорского дворца напротив, едва просветлевшего неба с висящими в нем сверкающими капельками утренней росы автоматически перестает докучать даже непрерывный поток выхлопных газов, несущийся с пятой и кольцевой автомагистралей. После двух недель постоянного аврала наступили долгожданные выходные, и теперь на два дня можно забыть обо всем и спокойно отдохнуть дома. Почаще бы главред давал такие приказы: «Сиди дома и отдыхай, и чтоб ноги твоей не было на работе».

Увидев проходящее пустое такси, Асакава машинально поднял руку. У него как раз закончился старый проездной на метро от Такэбаси до Синбаба, а новый купить руки не доходили. До квартиры в Синагава на метро – четыреста иен, на такси зашкалит под две тысячи, но уж лучше полторы переплатить, чем тащиться на поезде с тремя пересадками, тем более, что день полочки был буквально позавчера. Так и быть, сегодня позволим себе небольшую роскошь. С чего это он вдруг решил проехаться на такси именно сегодня, Асакава и сам не знал: так – случайная прихоть. Не то, чтобы с самого начала он это планировал. Просто случайно выскочил наружу, случайно подвернулась свободная машина, и тут же непроизвольно возникла мысль, что воот, сейчас идти, покупать билеты, потом толкаться на трех пересадках, словом, насиловать и без того уставший организм. Кто знает, если бы он сел на метро, может, ему и не удалось бы связать единой нитью два происшествия. А завязка романа, как известно, возникает из неожиданного стечения обстоятельств.

Таксист, почему-то неуверенно, остановил такси у входа в ПаласСайдбилдинг. Небольшого роста мужчина с воспаленными глазами, видимо, изза бессонной ночи, выглядел на сорок с небольшим. На служебной карточке слева от водительского сидения была наклеена цветная фотография, рядом имя: Микио Кимура.

– В Синагава...

Услышав адрес, Кимура слегка воспрял духом: КитаСинагава – это почти рядом с таксопарком в ХигасиГотанда, куда он как раз и направлялся. В работе таксиста один из самых сладостных моментов – это когда пассажир указывает как раз то направление, которое ты сам пытаешься подгадать. Кимура тут же стал на редкость общителен.

– За материалом для репортажа?

– А? – рассеянно переспросил Асакава, оторвав утомленные глаза от окна.

– Вы ведь, наверное, корреспондент газеты?

– Да, еженедельника.

Проведя добрых два десятка лет за баранкой, Кимура с большой степенью вероятности научился распознавать профессии клиентов по манере говорить и одеваться, равно как и по тому, где они подсаживаются. Обладатели популярных профессий, тем более не чуждые профессиональной гордости, как правило, с радостью соглашались на разговор о своей работе.

– Не тяжело в такую рань на работу?

– Да нет, я с работы. Сейчас домой приеду – и спать.

– Аа. Выходит, как я.

Обычно Асакава без особой гордости думал о своей работе. Но в это утро почему-то к нему вернулось чувство удовлетворения, которое он испытал, увидев собственную статью, набранную типографским шрифтом. Он как раз закончил серию заметок, которая к тому же вызвала довольно большой резонанс.

– Работато как, интересная?

– Ну, не без этого... – уклончиво ответил Асакава.

Вообще-то, когда как. Бывает интересно, бывает и не очень, просто сейчас было уже лень болтать. Да и нельзя сказать, что он забыл свой провал позапрошлого года. Заголовок его тогдашней статьи не так просто выветрить из памяти. «Божества современного мира». Противно вспоминать свой жалкий вид, когда он с трясущимися губами плакался в жилетку главреду: в жизни, мол, больше репортажами заниматься не сможет.

В разговоре повисла пауза. Машина на приличной скорости огибала токийскую телебашню.

– Как поедет, вдоль канала или, может быть, по 1му Иокогамскому шоссе?

КитаСинагава – такой район, что в зависимости от того, куда едешь, приходится выбирать разные дороги.

– Давайте, наверное, по шоссе... Я как раз там перед Синбаба и сойду.

Кимура всегда чувствовал себя спокойнее, если клиент четко указывал направление. На перекрестке Сацуноцудзи он свернул направо. Они подъезжали к тому злополучному месту. Вот уже месяц Кимура безнадежно пытался выкинуть из памяти этот проклятый перекресток. В отличие от Асакавы, изрядно комплексующего по поводу своей неудачи двухлетней давности, Кимура сумел достаточно бесстрастно отнестись к случившемуся. Он не считал себя ни в малейшей степени виноватым в аварии и тем более не собирался брать на себя какую-либо ответственность. Авария произошла по абсолютно не зависящим от него причинам, и он при всем желании не смог бы ее избежать. Месяц... так ли уж это много? Асакава же второй год не мог прийти в себя после пережитого ужаса.

Непонятно почему, но, проезжая это место, Кимура всегда испытывал неодолимое желание поделиться увиденным здесь в тот вечер. Если, мельком глянув в зеркало заднего вида, таксист видел, что клиент не спит, он никогда не мог отказать себе в искушении рассказать о случившемся месяц назад инциденте. Всякий раз его что-то подталкивало, заставляло развязать язык.

– Вот уж скоро месяц, как это было, а я до сих пор...

Вот и сейчас, словно давая Кимуре дополнительное время, светофор помигал желтым и зажег красный свет.

– И чего только не случается на этом свете...

Аккуратно давая клиенту понять, что сейчас поведает что-то необычное, Кимура возбуждал его интерес. Асакава незамедлительно встрепенулся, вздернул полусонную голову и принялся шарить глазами вокруг. Интригующий тон Кимуры удивил его, и сейчас он пытался определить, где они находятся.

– Даа, внезапная смерть. Нынче это часто случается, даже у молодых.

– А? Чего?

Фраза про внезапную смерть прозвучала в ушах Асакавы неожиданно громко. А Кимура, между тем, продолжал вещать.

– Вот, понимаете, уж с месяц назад было дело. Стоял я это, значит, на светофоре, как раз вон там, и тут впереди меня мотоцикл повалился. И ведь не на ходу даже – стоял просто, и вдруг – бах! И что думаете? В седле парень сидел молодой, 19 лет, в институт как раз собирался... так ведь, того – умер. Примчалась скорая, полиция все оцепила, мрак! А парень-то, падая, мне машину расцарапал, то есть и я как бы причастен оказался. Во как! Ох, шуму было!

Асакава слушал его молча, но на всякий случай (сработало нажитое за десять лет работы журналистское чутье) записал имя водителя и название транспортной компании. Както само собой получилось.

– А где, вы говорите, это случилось? – Асакава окончательно проснулся.

– Да вон, прямо там.

Кимура ткнул пальцем в сторону пешеходного перехода через Иокогамское шоссе, прямо напротив вокзала. Асакава совершенно точно знал, что станция Синагава административно относится к району Минатоку и находится в квартале Таканава. Стало быть, если какая-то авария здесь и была, то ей должен заниматься одноименный полицейский участок. В следующий миг он уже рассчитал в голове маршрут, чтобы скорее туда попасть. В томто и сила настоящего крупного издания, что газетчики вращаются в самых разных кругах, везде имеют связи, и по уровню информированности подчас превосходят даже органы охраны правопорядка.

– А смерть, значит, без видимых причин?

Он и понятия не имел, есть ли какоенибудь медицинское определение для внезапной смерти. Асакава торопился выпытать как можно больше и подробнее, при этом даже не понимая, чем эта история об аварии так запала ему в голову.

– Да о чем вы говорите! Я ж на месте стоял, как влитой. А тот сам свалился, вон там прямо, ни с того ни с сего. А мне вляпали отметку об аварии; со страховкой теперь проблемы... Как говорится, не было печали!

При этих словах в памяти Кимуры снова с предельной ясностью всплыла картина того происшествия. Неприятный холодок, сбегаящий вниз по позвоночнику... Черная струйка масла из мотоциклетного двигателя, как живое существо, извивающаяся по асфальту и без единого звука уходящая в канализацию. У него тогда словно отказали все органы чувств. Шлем под головой мотоциклиста, мертвое лицо, глаза с навсегда застывшим в них изумлением...

Свет сменился на зеленый. Кимура надавил на газ, услышал за спиной шелест блокнота и скрип авторучки. Асакава торопливо записывал. Кимуру едва не стошнило. С чего бы это? Может, оттого что он снова отчетливо увидел ту отвратительную сцену? Сглотнув кислый комок слюны, Кимура еле переборол себя. Асакава внимательно слушал.

– Остановка сердца.

Остановка сердца? Неужто врач, проводивший вскрытие, прямо так и написал в официальном медицинском заключении? В последнее время и терминато такого почти не услышишь: «остановка сердца»...

Это, кстати, тоже надо выяснить. А заодно, точную дату и время... – бормотал себе боднос Асакава, делая заметки. – Значит, никаких следов внешнего воздействия не было?

– Абсолютно. Просто на удивление. То есть, вообще ничего... Уж кому бы удивляться, так это мне...

– В смысле?

– Что? Да этот... покойник. У него на лице было какое-то жуткое удивление, что ли... потрясение.

В мозгу Асакавы пронзительно зазвенела струна. И все же внутренний голос отрицал самую возможность связи двух событий. Случайное совпадение, и не боле. Только и всего... Такси подъезжало к Синбаба.

– Вот за этим светофором. Сразу после поворота налево.

Машина остановилась, автоматически открылась дверь. Асакава протянул водителю две бумажки по тысяче иен и свою визитку.

– Асакава, корреспондент газеты «МНьюс». Если вы не возражаете, я бы хотел поподробнее вас расспросить о том инциденте.

– Конечно, пожалуйста, – охотно согласился Кимура. Он словно видел в этом свою миссию.

– Тогда я позвоню вам на днях.

– Хорошо, мой номер...

– Спасибо, я списал с карточки ваш рабочий телефон. К тому же, это совсем рядом.

Асакава вышел из машины и хотел было закрыть дверь, но застыл, собираясь с мыслями. Точнее, его пробрал необъяснимый страх. А может, не стоит совать нос куда не следует? Это ведь уже второй случай! Но его уже разобрал задор, и молча упускать лакомый кусок информации не хотелось абсолютно. Асакава снова спросил Кимуру:

– Скажите, а тот мотоциклист... Он действительно так мучился, что не мог снять шлем?

3

Огури – главный редактор, скривив физиономию, молча слушал доклад. Перед глазами у него снова стоял Асакава двухлетней давности – день и ночь стучащий на машинке как одержимый, с серьезным видом излагающий биографию «преподобного гуру» Кагэямы, попутно запихивая туда невесть откуда (явно не из интервью) взятые детали и подробности. Типичный параноик, которого в лучшем случае следовало бы направить к психиатру.

И время сейчас явно не подходящее. Два года назад все издательские конторы охватил небывалый бум оккультизма, когда столы в редакциях были буквально завалены «спиритическими» фотографиями и тому подобным ширпотребом. Всякий раз казалось, что весь мир сошел с ума, стоило только взглянуть на горы фальсификаций, выдаваемых за «вещественные доказательства» существования потустороннего мира. Огури и сам испытывал некоторые сомнения по части правдивости «строго научной» трактовки мироздания, но найти хоть сколь-нибудь убедительное свидетельство аномальных явлений не удалось и ему. Добровольные «информаторы» просто бомбардировали издателей своими «статьями», тем самым перевернув с ног на голову нормальное положение вещей. Каждый божий день редакция оказывалась, в буквальном смысле, безо всяких преувеличений, похороненной под слоем вновь доставленных посылок. Причем, абсолютно все они были заполнены оккультной мишурой. Объектом таких бомбардировок стала не только редакция «МНьюс». Одновременно с ней спиритическая лавина погребла громадный издательский конгломерат с простым названием «Японские СМИ». Страдали от этого явления все, а понять причины не удавалось никому. Издатели не пожалели сил и времени на анализ всей входящей корреспонденции, который показал, что большинство посланий оказались анонимными, как того и следовало ожидать, но все же «информаторы и очевидцы» скорей всего не писали по несколько писем каждый. По самым грубым подсчетам, как минимум десять миллионов человек со всех концов Японии хоть раз, но посылали письма в издательства. Десять миллионов! Это число потрясло издательский мир. Сами письма, как правило, не содержали ничего особенно страшного, но их количество было поистине ужасающим. Иными словами, получалось, что отправителем писем был каждый десятый японец, однако среди людей, имеющих отношение к издательскому делу, равно как и среди членов их семей, их друзей и знакомых, подобных «писателей» не нашлось ни одного. Назрел естественный вопрос: что же, собственно, творится, и откуда взялись эти бумажные завалы? Редакторы все еще продолжали ломать головы, как вдруг волна схлынула сама собой, хотя никто так и не понял, что произошло. После непрерывного аврала длиной в полгода все вдруг оборвалось как страшный сон, работа редакций вернулась в нормальное русло, а писем такого рода больше никто не получил. Ни единого.

Солидному еженедельнику, выпускаемому газетным издательством, подобало выработать конкретную политику по отношению к подобным явлениям, и как редактор Огури обязан был ясно ее сформулировать. Решение его было следующее: неуклонно игнорировать. Вероятнее всего, первой искоркой всей этой истерии стала публикация в одном из журналов, которые Огури привык считать низкопробными. Как всегда бывает: кто-то где-то пропечатал сомнительные фотографии с комментариями «очевидцев», подстегнув тем самым творческие инстинкты активного читателя, что и привело к столь экстраординарным последствиям. Понятное дело – такая трактовка событий могла убедить далеко не каждого. Но, как бы то ни было, Огури должен был владеть ситуацией, а значит, и придумать ей маломальски рациональное объяснение.

Следуя решению главного редактора Огури, его подчиненные теперь не вскрывали конвертов, и все приходящие письма и посылки безропотно предавались огню. По отношению к читательской массе редакция заняла четкую и неизменную позицию, согласно которой оккультизму любого рода был объявлен решительный отворотповорот, и всякий интерес к нему пре-

секался на корню. Потому ли, нет ли, но небывалый напор читательской корреспонденции постепенно стал проявлять признаки угасания. И в это самое время, вдруг откуда ни возьмись, объявляется этот идиот Асакава и начинает ворошить угли уже почти потушенного пожара. Огури пристально, исподлобья смотрел ему в лицо: нуну, решил расковырять мне старые раны?

...

– Вот что, родной...

Огури всегда так обращался к собеседнику, когда не знал, что сказать.

– Вы только не подумайте, я прекрасно понимаю, что вас тревожит, но...

– Да нет... Кто спорит, тема интересная, тут все ясно. Интригует, захватывает и все такое... Но если в конце опять завоняет этой ерундой, то как прикажешь это расхлебывать?

«Этой ерундой»... Огури пока еще был уверен, что оккультный бум два года назад был целиком и полностью сфабрикован. И еще он чувствовал отвращение. После всех неприятностей он вряд ли смог бы избавиться от предубеждения по отношению к любым проявлениям оккультизма.

– Да я, собственно, и не утверждаю, что тут какая-то мистика. Просто... вряд ли это может быть простым совпадением, вот в чем проблема...

– Совпадением, говоришь...

Огури, прикрыв уши ладонями, снова прокручивал в голове услышанное.

...Так. Племянница жены Асакавы, Тиэко Оиси, скончалась у себя дома в Хонмоку пятого сентября около одиннадцати часов вечера. Причина смерти – острая сердечная недостаточность. И это в девятнадцать лет, даже школу не окончив? В тот же день, в то же самое время, остановившись на красный свет на перекрестке перед вокзалом Синагава, падает с мотоцикла и умирает девятнадцатилетний студент. Причина – тот же сердечный приступ.

– Ну, не знаю. Помоему, чистое совпадение и ничего больше. А ты просто услышал от таксиста байку про аварию и случайно вспомнил о смерти племянницы жены... Что скажешь?

– Но послушайте... – Асакава чувствовал, что редактор «клянул», – Этот мотоциклист – он же пытался снять шлем, когда метался в агонии!

– Ну и?...

– Так ведь и Тиэко, когда ее нашли мертвой, лежала, вцепившись себе в голову так, как будто пыталась разорвать ее на части. У нее в кулаках даже клочья волос остались.

Асакава несколько раз встречался с Тиэко. Как и все ее сверстницы, она крайне трепетно относилась к своим волосам, и каждый свой день начинала с мытья головы. Трудновато было поверить, чтобы она вдруг, ни с того ни с сего начала рвать на себе волосы... *Кто*то, не ясно кто, заставил ее это сделать. Всякий раз, когда Асакава пытался представить себе, как обезумевшая Тиэко вырывает себе волосы, ему мерещилась тень невидимого *кого*то. И тот ни с чем не сравнимый ужас, который, должно быть, переполнял ее...

– Короче, дорогой, ты достал уже со своими домыслами! Ты что, не понимаешь, что если намеренно искать совпадения, то даже в абсолютно несвязанных событиях, хоть что-нибудь – да найдешь? Ну, допустим: оба умерли от сердечного приступа. И мучились, само собой: в голову себе вцеплялись, шлем пытались сдернуть... И что? Ситуация – обычное некуда!

Асакава помотал головой, хотя и чувствовал резонность аргументов редактора. Но просто отступить себе не позволил.

– Но послушайте, у них же в груди, в груди схватило. С чего бы им за голову хвататься?

– У тебя что, у самого инфаркт был когданибудь?

– Ну... не было.

– Ага! А у врача спрашивал?

– Что?

– Что, что... Хватаются за голову при инфаркте или нет.

Асакаве пришлось смолчать. На самомто деле он консультировался с врачом, только ответ его не удовлетворил. Ни то, ни се: «Ну, не скажу, чтобы это было невозможно... Скажем, при инсульте или субарахноидальном кровоотечении, одновременно возникают боли и в голове, и в животе».

– То есть, тут все от человека зависит. Допустим... ну, доняла человека алгебра – и один в башку себе вцепляется, а другой сигарету смолит. А кто-то, может, и живот чешет...

Огури говорил, крутясь на конторском стуле.

– В любом случае, ты же пока конкретных выводов не можешь сделать, так? И лишних колонок у нас тоже не водится. Ты же помнишь, что два года назад было. Нам сейчас на такой материал лучше не замахиваться. А так, конечно, пиши себе, если приспичило...

Да, тут можно согласиться. Что ни говори, а главный прав. Может, действительно, просто случайное совпадение. Но все-таки что-то здесь не так. И врач, в конце концов, только мычал да головой качал: явно затруднялся. По крайней мере, на лице у него было написано, что конкретно в его практике таких случаев не было.

– Хорошо, я понял.

На данный момент, лучше всего было просто молча удалиться. Пока не удалось объективно доказать наличие связи между этими двумя происшествиями, убедить редактора вряд ли будет возможно. «А если ничего не раскопаю, можно будет с чистой совестью обо всем забыть», – решил для себя Асакава.

4

Положив трубку, Асакава застыл, не снимая руки с телефона. В его ушах все еще звучал собственный голос. Отвратительное это чувство, когда приходится льстить без меры, выгадывая цвет лица человека на другом конце провода. Горделивый же его собеседник, царственным жестом принявший трубку из рук секретаря, слушал подробности предлагаемого плана, и по ходу разговора заметно теплел, смягчая интонации. Вот он уже, кажется, суетливо завертел головой, высчитывая возможную выгоду. Шутка ли: его трудовую биографию подробно опишут в журнале! Как раз с сентября под рубрикой «топ-интервью» начинала печататься серия статей, посвященных благим трудам и усилиям руководителей фирм, умудрившихся за одно правление поставить свою компанию на ноги. В принципе, удачно договорившись об интервью, Асакава мог бы и с большим удовлетворением положить трубку, но что-то на него давило. Тысячу раз слышанные обывательские рассказы: «и страдалито мы и терпели, и умато мы набирались, и шансто мы свой ловили». И ведь пока сам не рассыплешься извинениями и не раскланяешься, этой «истории успеха» конца не будет. Автора проекта Асакава ненавидел смертно. Он и сам кому угодно мог объяснить, что реклама необходима для поддержания издания на плаву, станет фундаментом для будущего роста и т. п. Но лично для него проблема прибыли была вторичной. Важно же для Асакавы было одно: есть интересная работа или нет. Если работа не требует воображения, то физически она может быть сколь угодно легкой, но психологически от нее нередко устаешь так, что жить не хочется.

Асакава направился в архив на четвертом этаже. Нужно было навести коекакие справки о завтрашнем респонденте, но гораздо сильнее интересовало другое: он снова подумал о необъяснимой, но объективно существующей связи между теми двумя смертями. Он еще не знал, с какой стороны к этому подступиться, но едва удалось выкинуть из головы телефонный голос преуспевшего фирмача, как в мозг тут же просочился вопрос:

...Пятого сентября около одиннадцати вечера внезапно, без видимых причин умерли два человека. Но ограничилось ли дело двумя?

Если нет, если еще обнаружатся подобные происшествия, то вероятность случайного совпадения будет стремиться к нулю. Асакава решил поднять подшивки газет за начало сентября. Специфика работы заставляла его дотошно просматривать газеты, но в статьях социальной тематики он, как правило, прочитывал только «шапки» и запросто мог что-то упустить. Уж что-нибудь, да отыщется – должно отыскаться. Почему-то он был в этом уверен. Ему даже мерещился странный заголовок, увиденный в газете как раз месяц назад, где-то в уголке страницы, среди прочих социальных статей. Вспомнилось только место: кажется, слева внизу... Прочитав его тогда, он еще подумал «Ого!», но тут его зачем-то позвали, он оглянулся на голос и в общей суете забыл дочитать заметку.

Асакава начал с утренних газет за шестое сентября. Он не сомневался, что найдет зацепку, и читал с азартом подростка, ищущего сокровища. В полутьме архива даже от простого чтения газет испытываешь больший душевный подъем, чем от скучных мешанских интервью. Чем носиться снаружи, пересекаясь с разными людьми, Асакава предпочитал работать с материалами.

Так, теперь седьмое, вечер... Заметка была как раз там, где и он предполагал ее найти. Прижатая статьей о морской аварии с 39 жертвами, она была еще незаметнее, чем помнилось. Ничего странного, что тогда он ее пропустил. Сняв очки в серебристой оправе, Асакава приблизил лицо к странице, и читал, стараясь не пропустить ни единого слова, ни единой буквы...

Юноша и девушка, погибшие при загадочных обстоятельствах, обнаружены в кабине арендованного автомобиля

7 сентября около 6 часов вечера, в г. Ёкосука, на пустыре, прилегающем к префектуральной автомагистрали Асина, водитель проезжавшего мимо легкого грузовика обнаружил легковую автомашину, на передних сидениях которой находились трупы молодых мужчины и женщины. О случившемся водитель сообщил в городское полицейское управление Ёкосука.

По номеру машины было установлено, что труп мужчины принадлежал 19летнему слушателю абитуриентских курсов рна Сибуя столичного округа Токио, а труп женщины – 17летней ученице частной школы повышенной ступени рна Исога г. Иокогама. Автомобиль был взят пострадавшим напрокат в Сибуя за два дня до происшествия.

В момент обнаружения машина была замкнута с включенным зажиганием. Предположительное время смерти – ночь на 5 сентября. Поскольку окна автомобиля были задраены, предполагалась, что пострадавшие уснули и умерли от недостатка кислорода, однако допускается возможность отравления, и делать окончательный вывод о причинах смерти было бы преждевременно. Версия об убийстве на данный момент исключается.

Больше ничего не сообщалось, но Асакаве и этого было вполне достаточно. Впервые, умершая школьница была того же возраста, что и его племянница Тиэко, и тоже училась в частной старшей школе в Иокогама. Вовторых, парень, взявший напрокат машину, как и тот мотоциклист, был 19ти лет и ходил на те же самые подготовительные курсы. Предполагаемое время смерти практически идентично. И причины смерти, как и в первом случае, не ясны.

Налицо общие для всех четырех смертей обстоятельства. Теперь не потребуется много времени, чтобы доказать их очевидное сходство. Что ни говори, а по работе Асакава был вхож в издательства крупных газет и недостатка в информации не испытывал. Сняв ксерокопию со статьи, он вернулся на секунду в редакцию. Он чувствовал себя так, словно напал на небывалую золотую жилу, ноги несли сами, и он еле дождался лифта.

Пресс-клуб мэрии Ёкосука.

Ёсино сидел за своим столом и строчил рукопись. Если бы не пробки на хайвеях, из токийского головного издательства сюда можно добраться всего за час. Асакава тихонько подошел сзади.

– Привет!

С Ёсино они не виделись полгода.

– О! Асакава, ты что ли! Каким ветром? Садись, садись! – Ёсино придвинул свободный стул.

Заросший бородой по самые глаза, Ёсино выглядит слегка пугающе, хотя на самом деле – человек исключительно душевный.

– Ну что, как? Работыто хватает?

– Да... Есть маленько.

Раньше Ёсино работал в департаменте гуманитарных проблем вместе с Асакавой и был на три года старше его. Значит, сейчас ему тридцать пять.

– А я, понимаешь, зашел в отдел информации, а мне говорят, что ты тут... обитаешь.

– Нуу, ято думал, ты мне специально чего интересенького подбросишь!..

Асакава протянул копию заметки. Ёсино неожиданно долго вчитывался в нее. Вроде бы сам писал, должен и так знать, что там, а гляди: читает, прямо каждым нервом; про арахис свой любимый забыл – ко рту поднес, так и сидит. Ага, зажевал... А статью свою как будто там, в желудке у себя, медленно вместе с орехами переваривает.

– Чтото не так в статье, или... – он вдруг заговорил серьезно.

– Да нет, я просто тебя поподробнее расспросить хотел.

Ёсино поднялся с места.

– Пойдемка, чайку попьем...

– У тебя со временем как?...

– Да ладно, мне самому интересно.

Рядом с мэрией как раз есть приличное маленькое кафе, где кофе дают всего за 200 иен. Ёсино уселся за столик и обернулся к стойке.

– Два кофе!

И тут же вплотную придвинулся к Асакаве и заговорил:

– Короче, такое дело. Я уже двенадцать лет вкалываю по гуманитарной части, и с чем только мне работать не приходилось! Но вот это... Знаешь, честно говоря, впервые, – он отхлебнул воды и продолжал. – Слышь, Асакава, давай, услуга за услугу, а? Тыто какого рожна в это полез?

Раскрывать все карты пока не стоит. Асакава не слишком хотел делиться сенсацией. Ёсино – парень не промах: ему только дай – сразу же сам все и оприходует. Пришлось приврать.

– Да нет, ничего особенного. Просто племянница моя, Тиэко, с девчонкой той дружила. Вот и спрашивает, что, да как, да почему. Вот, я к тебе и...

Отговорка, конечно, детсадовская. Асакава ожидал, что Ёсино начнет подозрительно сверкать глазами, но тот лишь побледнел и слегка отстранился.

– Правда?

– Ага. Сам понимаешь, школьники – они же такие. Им бы по умершим друзьям горевать, так ведь нет – смерть, видите ли, странная была, и то, и сё... Просто спасу нет. Уж будь другом, расскажи, как было дело.

– Ну, а что ты, собственно, хочешь знать?

– Причины смертито потом выяснили?

Ёсино кивнул.

– Мм, как сказать... То есть, что это внезапная остановка сердца, всем понятно, но почему это произошло, никто толком объяснить не может.

– А версия убийства? Удушение или чтото в этом роде.

– Немыслимо. На шее никаких кровоподтеков.

– Яд?...

– Вскрытие ничего такого не обнаружило. Реакция нулевая.

– Выходит, это дело еще не раскры...

– Что ты несешь! Там и раскрыватьто нечего. Раз убийства нет, то юридически и «дела» никакого нет. Смерть от болезни или там... гибель при аварии – несчастный случай и не больше. Расследования, разумеется, тоже никто вести не будет, – Ёсино откинулся на спинку стула и говорил както холодно, даже зло.

– А почему имена не сообщают?

– Несовершеннолетние, мол... Но вообщето, сдается мне, что, то ли боятся они чего, то ли сомневаются.

Ёсино вдруг вспомнил чтото, ухмыльнулся и подался вперед.

– У парня, видишь ли, джинсы и плавки были до колен спущены. И девка без трусов.

– То бишь, они как раз «занимались»?

– Не занимались, но собирались! Как раз, вотвот уже самый сенокос, и вдруг – бац! – Ёсино хлопнул в ладоши, – Чтото произошло.

Что ни говори, занимательная манера рассказывать.

– Слушай, Асакава, не темни, выкладывай. Ты же явно по этому делу чтото раскопал! Да не скажу я никому! И материал перетягивать у тебя не буду. Просто интересно мне, и все.

Асакава не проронил ни слова.

– Ну, ну! Не томи. Ну, паажаалста...

А может... Ну, нет! Пока лучше не говорить. Хотя и ложь тоже не пройдет.

– Извини, старик. Подожди немного. Я пока и сам толком ничего не знаю. Дня через дватри все расскажу. Обещаю.

Лицо Ёсино выражало полную безнадежность.

– Ага, вот так всегда. Ладноладно.

Асакава посмотрел на него вопрошающим взглядом. Давая понять, что желал бы услышать продолжение.

В любом случае, что-то произошло, иначе и быть не могло. Ну, не могут парень с девчонкой перед самым трахом вдруг ни с того ни с сего взять и задохнуться. Такого даже в анекдотах не бывает. Думали сначала, что начал действовать яд, который они заранее выпили, но ведь реакции нет! Строго говоря, есть и такие яды, которые реакции не дают, но чтобы такие штуки школьникам достать... Маловероятно.

Ёсино вспомнил место происшествия. Он сам там был и помнил все достаточно отчетливо. От Асина на гору Окусуйма поднимался проселок, а к нему примыкал пустырь, со всех сторон окруженный деревьями. Там и стоял автомобиль, задние огни которого были едва заметны с проезжающих машин. Нетрудно предположить, зачем парень свернул именно туда. Ночью по дороге практически никто не ездит, листья деревьев, облепивших склон – отличное прикрытие, так что для малообеспеченных пар – сексодром, лучше не придумаешь.

– Вот. Позы были странные: парню голову зажало между рулем и боковым стеклом, а девчонке – вообще между дверью и сиденьем. Я своими глазами видел, как трупы из машины вытаскивали. Двери с двух сторон открыли, а они так в разные стороны и кувыркнулись. Как будто в момент смерти их какая-то сила выдавливала наружу, и продолжала давить еще часов тридцать, пока их не нашли. Полицейские только двери приоткрыли, и трупы как из пушки вышибло. А машинато – двдверка, и так сделана, что если ключ в салоне оставить, то снаружи не запереть. Соображаешь? Они же там как в крепости были: ключ зажигания воткнут, двери изнутри заперты... Снаружи их вряд ли что-то могло застигнуть. А знаешь, какие лица у них были? Перекошены до неузнаваемости, как будто они от ужаса ополоумели.

Ёсино тяжело вздохнул.

– Сам подумай. Допустим, вылез из леса страшный зверюга. От страха они должны, по идее, друг к другу прильнуть. Ну, парень, может и не станет, но уж женщина-то всяко к мужику прижмется. Какникак, влюбленная пара. А тут что? Они в двери спинами прямо вросли, как будто хоть на миллиметр, но подальше друг от друга убежать хотели.

Он беспомощно развел руками.

– Так что, в том-то и беда, что ни черта тут не понятно.

Не случись кораблекрушения в окрестностях Ёкосука, заметка получилась бы гораздо увесистей. Неплохая бы вышла игрушка для рядового читателя – настоящий ребус. И все же... все же. Настораживала странная атмосфера, поглотившая всех, кто был на месте происшествия, включая даже криминалистов. Идиотское состояние: почти каждый видел или слышал что-то подобное, и все об этом думают, и слова уже сами на язык лезут, но никто – ни один человек, высказать это вслух не отваживается. Ясно как день: не могут двое подростков вместе умереть от разрыва сердца, да еще секунда в секунду, но все потчуют себя этой медицинской байкой, в которую сами же и не верят. Молчат не потому, что не хотят быть поднятыми на смех за «ненаучность». Просто каждый боится признаться себе, что скован тем же невообразимым ужасом. Уж лучше тогда прятаться за научными выкладками, которые, хоть и трещат по швам, но художественно что-то объясняют.

И Асакава, и Ёсино спиной чувствовали неприятный холодок. Думали об одном и том же, некоторое время молчали, понимая, что терзаемы одним и тем же предчувствием: это – еще не конец, с этого *все только начинается!* Можно обладать тысячей ученых степеней, но человек по природе своей всегда верил и будет верить в существование чего-то, не поддающегося рациональному объяснению.

– Кстати, а когда их нашли, где они держали руки? – как бы вдруг поинтересовался Асакава.

– У головы... Нет, скорей даже обеими руками закрывали лицо.

– А волосы? Волосы на голове не рвали? – спросил Асакава, потянув себя за шевелюру.

– Чего?

– В смысле... ну, может они в голову себе вцеплялись, волосы вырывали...

– Да нет, ничего такого вроде не припомню. – Понятно. А имена и адреса тех двоих нельзя получить какнибудь? – Отчего же... можно. Но смотри, ты обещал!

Удостоверившись, что Асакава засмеялся и кивнул, Ёсино поднялся изза стола. Стол дрогнул, кофе выплеснулся на блюдце. В течение всего разговора Ёсино так к нему и не при-
тонулся.

5

Асакава собирался выкроить время на работе, чтобы изучить круг общения умерших четверых, да не тутто было: работы оказалось невпроворот, и найти время никак не удавалось. Так, в беготне незаметно пролетела неделя, а за ней и месяц. Август с его парилкой и дождями, полетному жаркий сентябрь постепенно превращались в обрывки воспоминаний, теснимые вступающей в свои права осенью. Изредка заглядывая в газеты, Асакава до сих пор не встретил ничего, что могло бы его заинтересовать в связи с происшедшим. Может быть, он просто не замечал, а тем временем где-то продолжали происходить такие же страшные события? Как бы то ни было, те четыре смерти все чаще казались ему случайными и никак меж собой не связанными. Ёсино он так и не видел с тех пор, хотя тот, скорее всего, уже и сам все забыл. Иначе наверняка бы вышел на связь.

Когда Асакава чувствовал, что интерес к происшествию угасает, он доставал из кармана четыре небольшие карточки, чтобы снова оживить воспоминания и еще раз удостовериться, что все это не могло быть простой случайностью. На карточках, под именами и адресами четырех человек были отведены поля, чтобы подробно записывать все данные, которые удавалось по ним собрать: как жили, что делали в августесентябре и т. д.

Объект 1

Тиэко Оиси (ж., 17), род. 21.10.1972

Частная женская гимназия Кэйсэй, 3 класс

Адрес: *Иокогама, Накаку, Хонмокумотомати 17*

Обстоятельства смерти: *5/IX, ок. 11 веч., дома, в отсутствие родителей*

Причина смерти: *острая сердечная недостаточность*

Объект 2

Сюити Ивата (м., 19), род. 26.05.1971

Подготовительные курсы Эйсин, 1 семестр.

Адрес: *Токио, Синагаваку, Наканобу 1523*

Обстоятельства смерти: *5/IX, 10:47 веч., при падении с мотоцикла на перекрестке у вокзала Синагава.*

Причина смерти: *сердечный приступ*

Объект 3

Ёко Цудзи (ж., 17), род. 12.01.1973

Частная женская гимназия Кэйсэй, 3 класс

Адрес: *Иокогама, Исогоку, Мори 519*

Обстоятельства смерти: *Ночью с 5 на 6/IX, в машине, запаркованной у преф. дороги у подножья г. Окусуюма*

Причина смерти: *острая сердечная недостаточность*

Объект 4

Такэхико Номи (м., 19), род. 4.12.1970

Подготовительные курсы Эйсин, 2 семестр

Адрес: *Токио, Сибуюку, Уэхара 1104*

Обстоятельства смерти: *Ночью с 5 на 6/IX, в машине, запаркованной у преф. дороги у подножья г. Окусуюма*

Причина смерти: *острая сердечная недостаточность*

То, что Тиэко Оиси и Ёко Цудзи ходили в одну школу, а Такэхико Номи и Сюити Ивата учились на одних курсах и были приятелями, подтверждалось всеми опрошенными, хотя и так было совершенно очевидно. Такэхико и Ёко могли и не быть влюбленной парой, но во всяком случае хорошо знали друг друга, доколе уж отправились на машине за город поразвлечься. Да и среди одноклассников Ёко ходил слух, что она дружит со студентом из Токио. Не совсем ясно было только, когда и как они познакомились. Естественно, напрашивался вопрос, а не было ли чего-нибудь между Тиэко Оиси и Сюити Иватой, но так и не удалось обнаружить ничего, что хотя бы косвенно это подтверждало. Возможно, они и не знали друг друга ранее. Но что тогда могло связывать всех четверых? Слишком уж близки были их отношения, чтобы таинственное *нечто* случайно выбрало их своими жертвами. Например, их могли убить, чтобы не допустить разглашения какой-то тайны... Асакава попытался придумать что-нибудь понаучнее. «Ну, скажем, однажды они вместе заразились каким-то вирусом, поражающим сердце... Ой, ой, напридумывал! Ты вообще когда-нибудь слышал, чтобы вирусы вызывали сердечную недостаточность?»

«Вирусы, вирусы...» – бормотал Асакава, поднимаясь по лестнице. Встаки, первоочередная задача сейчас – найти научное объяснение. Так что, версию с вызывающим инфаркт вирусом пока, наверное, стоит принять за рабочую. Допустим, нет никакого вируса, и что тогда? Нет уж, чем носится с паранормальной ерундой, лучше придумать что-то маломальски рациональное, тогда хоть не засмеют. Даже если такой вирус на Земле еще неизвестен, он вполне мог быть занесен совсем недавно из космоса, скажем... в метеорите. Опятьтаки, нельзя отрицать и возможность утечки некоего бактериологического оружия.

Пожалуй, это уже что-то. Пока поработаем с «вирусной» версией. Хотя и с ней, конечно, еще остается ряд нерешенных вопросов. Почему, например, все четверо умерли с выражением крайнего удивления на лице? Или почему Ёко Цудзи и Такэхико Номи, будучи в машине, изо всех сил пытались отодвинуться друг от друга? И почему результаты вскрытия ничего не проясняют? В принципе, на этот, третий вопрос, самый простой ответ дает вариант с утечкой биологического оружия: просто запретили разглашать, вот и все.

Так, идем дальше: с того времени пострадавших не было, а стало быть, очевидно, что данный вирус воздушным путем не передается. То есть, либо *это* переносится через кровь, как при СПИДе, либо для заражения требуются какие-то особые условия. И, самое любопытное, где все четверо умудрились эту заразу одновременно подцепить. Придется еще раз прошерстить все, что мы знаем об их перемещениях в августесентябре, и выяснить, где и когда они могли быть вместе. Если свидетелям вежливо предложили заткнуться, то вытянуть информацию из них будет нелегко. А если окажется, что тайну знали только четверо и не посвятили в нее никого – ни родителей, ни друзей – то тут, конечно, уже никто не поможет. И все же, наверняка должно быть *нечто*, что где-то и когда-то свело их вместе...

Сев за компьютер, Асакава на время выкинул из головы историю с вирусами, достал конспект и магнитную кассету с последним интервью и резво принялся за верстку материала. Статью надо было закончить в течение дня. Завтра, в воскресенье, вместе с женой Сидзукой они решили навестить невестку – Ёсими Оиси. На самом деле Асакава хотел своими глазами увидеть место, где умерла Тиэко, и, что называется, «понюхать воздух». Естественно, Сидзука тут же согласилась ехать с ним, дабы выполнить долг сочувствия и хоть как-то успокоить сестру, потерявшую единственную дочь, но об истинной цели визита, разумеется, не догадывалась.

По ходу набрасывая в уме пока еще смутные контуры будущей статьи, Асакава застучал по клавишам.

6

Сидзука, жена Асакавы, виделась со своими родителями впервые за последний месяц. С тех пор, как умерла Тиэко, они каждый выходной приезжали из Асикага в столицу и проводили время с ее сестрой, разделяя с ней боль утраты. Сидзука об этом только сегодня. Невыносимо больно было видеть лица родителей, еще больше постаревших от охватившего их горя. Раньше внуков у них было трое. У Ёсими – старшей дочери, была Тиэко. Средняя дочь Норико родила сына Кэнъити. У Асакавы и Сидзуки родилась дочка Ёко. По одному внуку от каждой дочери – не сказать, что и много. Всякий раз, встречаясь с первой своей внучкой, родители неизменно расплывались в улыбке, и нянчились с ней в свое удовольствие. Родители Сидзуки едва ли не тяжелее переживали смерть внучки, чем сестра с мужем; горе их прямотаки подкосило. Неужели внуки так много значат для людей?...

Сидзука, которой едва стукнуло тридцать, всеми силами пыталась осознать горе сестры, представляя, что значит потерять собственного ребенка. Но, как бы то ни было, ее дочке Ёко едва исполнилось полгода, и неуместно было сравнивать ее с Тиэко, умершей в 17 лет. Сидзука не могла даже представить себе, насколько все эти годы могли углубить родительские чувства.

Около трех часов дня родители начали потихоньку собираться домой в Асикага. Сидзука диву давалась: с чего это вдруг ее муж, постоянно ссылающийся на занятость, сам предложил навестить невестку, которую, к тому же, мало знал. А ведь даже на похоронах не появился, у него, мол, «с рукописью сроки поджимают». А гляди ж ты: время к ужину, а он о возвращении и не заикается. Тиэко ему, почитай, дальняя родственница, и виделисьто они всегони чего, казалось бы... Ни о чем особенно не говорили, так что ему бы соболезнования выразить, да и раскланяться.

– Ну что, мы наверное уже... – прошептала Сидзука Асакаве, потрепав его по коленке.

– Смотри, вон Ёко у нас совсем сморилась. Может, лучше ее здесь уложить?

Дочку они взяли с собой. После обеда она обычно спит – вот и клюет носом. Но если ее положить, то придется здесь пробыть еще часа два, не меньше.

– Что же, она в поезде не поспит? – пробурчала Сидзука.

– Да ну, я уже однажды вкушал это удовольствие. Нет уж, спасибо.

Когда Ёко засыпает в полном вагоне, то разваливается так, что ее совершенно невозможно держать. Рукиноги раскидает, а уж если заорет, вообще стыда не оберешься. А шипеть на нее – только масла в огонь подливать, так что лучше уж спокойно дать ей поспать, если есть на то возможность. Иначе придется Асакаве сидеть в поезде, ловя косые взгляды пассажиров, и многозначительно демонстрировать горестную физиономию, дескать, «вамто ладно, а намто каково». Да и Сидзука наверняка не хотела бы любоваться видом играющего желваками супруга.

– Ну, смотри. Тебе видней.

– А то ж! Вот, давай ее на втором этаже и пристроим. Ёко с полужакрытыми глазами сидела у мамы на коленях.

– Давай, я ее уложу, – предложил Асакава, погладив дочку по щеке.

Что ни говори, а из уст мужа, никогда особо не отличавшегося заботой о детях, эти слова звучали по меньшей мере странно. Или это он так проникся горем потерявших дочь родителей, что вдруг себе изменил?...

– Да что с тобой? Чтото ты мне не нравишься сегодня...

– Все нормально. Она сразу уснет. Не бойся, я все сделаю.

Сидзука передала дочь Асакаве.

– Ладно, давай. Почаще бы ты так, вообще бы было замечательно...

Переходя от мамы в руки отца, Ёко на секунду вострепелась, но тут же заснула, не успев даже запищать. Асакава с дочерью на руках поднялся по лестнице. На втором этаже было три комнаты: две японского стиля и одна европейская, где раньше жила Тиэко. Дочь он уложил на татами в южной комнате, укутав в одеяло. Ёко уже вовсю спала, забавно посапывая, и убавлять ее было незачем. Асакава вышел в коридор, взглянул, не идет ли кто по лестнице, и проскользнул в комнату слева. Неприятно, конечно, ворошить частную жизнь уже умершего человека, что и говорить. Сколько раз приходилось упрекать себя за это. Но, чтобы достичь большой цели, чтобы остановить большее зло, приходится грешить по мелочам. И, что самое противное, всегда подгоняешь под все какуюто концепцию, чтобы придать системе сделок с совестью праведный вид. Он искал самооправдание: «Я же не для статьи, мне же только надо выяснить, когда и где эти четверо оказались вместе... Так что, извините, мы на минутку!»

Асакава выдвинул ящик стола. Письменные принадлежности, обычные для школьницы. Только разложены потрясающе аккуратно. Три фотографии, коробочка для мелочей, бумага, блокнот, швейный набор. Может быть, после смерти дочери родители успели прибраться? Вроде бы нет, не похоже. Видимо, она сама обожала порядок. Дневник бы какой найти, чтобы все черным по белому: «Ёко Цудзи, Такэхико Номи, Сюити Ивата и я, вчетвером остановились тамто и тогдато». Да, не плохо бы... Асакава наобум взял с книжной полки тетрадь, пробежал глазами по страницам. Из глубины ящика вытащил другую, гораздо более смахивающую на девичий дневник. Первые несколько страниц заполнены для проформы, все даты уже довольно старые. В ярком пластиковом ящике на краю стола вместо книг – маленькая туалетная шкатулка в мелкий цветочек. Внутри россыпь дешевой бижутерии. Сережки почти все растеряны, немногие можно собрать по парам. Карманная расческа, несколько волосков запутались в зубьях.

У школьниц есть свой специфический запах, который сразу почувствовался, стоило только открыть встроенный в стену платяной шкаф. Разноцветные платья и юбки висят плотными рядами. Родители, похоже, еще не решили, что делать со всей этой одеждой, еще хранящей запах их дочери. Асакава прислушался к звукам снизу. Если его застанут здесь, да за таким занятием – вот будет номер! Ходьбы вроде нет, Сидзука разговаривает с сестрой. Тщательно, по одному, Асакава прощупал карманы. Носовой платок, обрывок билета в кино, пластик жевательной резинки, дальше... Дамская сумочка, внутри салфетки, футляр для проездных билетов. А в нем что? Проездной на метро от Яманотэ до Цуруми, школьное удостоверение, какаято карточка, на ней имя. Юки Нонояма, или чтото в этом роде, редкое написание. Может быть, «Юуки»... мм, навскидку не прочитаешь. Вот и гадай теперь, женщина это или мужчина. И что вообще эта карточка делает в кармане школьницы. Шаги по лестнице. Он быстро сунул карточку себе в карман, вернул на место футляр с проездными билетами и закрыл дверцу шкафа. Хозяйка была уже почти у дверей.

– Ого, у вас и на втором этаже туалет есть? – нарочито удивленно завертел головой Асакава.

– Ну, как дочка, уснула?

– Да, конечно, спасибо большое. Вы уж извините, что мы тут...

– Что вы, что вы, будьте как дома.

Ёсими слегка склонила голову и, сложив руки на поясе кимоно, прошла в комнату. В туалете Асакава вытащил из кармана карточку. В самом верху значилось: Клуб «Тихоокеанские курорты». Членское удостоверение. Ниже было написано имя Нонояма, членский номер и срок действия билета. На обороте – условия членства из нескольких пунктов, название и адрес компании.

АО «Тихоокеанские курорты»
Токио, Тиёдаку, Кодзимати 35.

Тел. (03)2614922

Скорей всего, Тиэко получила эту карточку непосредственно из рук владельца, если, конечно, не стащила у кого-то или случайно не подобрала. Но зачем? Разумеется, чтобы попасть на один из этих «Тихоокеанских курортов». Но вопрос в том, куда именно и когда.

Из дома звонить не стоит. Асакава вышел на улицу «за сигаретами» и побежал к ближайшему таксофону, набрал номер.

– Компания «Тихоокеанские курорты», – отозвался в трубке молодой женский голос.

– Ээ, я бы хотел узнать, где можно воспользоваться членским удостоверением вашего клуба...

Женщина медлила с ответом: наверняка у них турбаз столько, что сразу все не назовешь.

– Ну, скажем, если я хочу на день выбраться из Токио, куда лучше поехать? – уточнил Асакава.

Вряд ли они вчетвером могли отсутствовать дома троечетверо суток – это было бы слишком заметно. Доколе же следствие ничего такого не выявило, значит, уезжали они на день, не больше. Тогда можно запросто отпроситься у родителей «переночевать у подруги».

– В МинамиХаконэ вы можете воспользоваться туристическим комплексом «Пасифик Ленд», – поконторски сухо ответил женский голос.

– А поподробнее, для каких видов досуга он предназначен?

– Например теннис, гольф. Есть открытые спортплощадки, бассейн.

– А остановиться там можно?

– Конечно, есть гостиница. Можно снять отдельный домик. Если вы не возражаете, мы можем выслать вам буклет.

– Да, буду очень признателен, – Асакава всю изобразил заинтересованного клиента, чтобы полюбовно выудить побольше информации.

– Скажите, пожалуйста, а без членского удостоверения там можно остановиться?

– Да, но проживание будет за отдельную оплату.

– Понятно. Тогда, будьте добры, подскажите мне номер этого туркомплекса. Я хотел бы туда съездить и посмотреть все на месте.

– Вы можете подать заявку нам, и мы сами все оформим.

– Нетнет, спасибо. Мало ли, буду проезжать мимо, и решу заехать туда, так что... Короче, дайте мне телефонный номер.

– Одну минуту, пожалуйста.

Асакава воспользовался этой минутой, чтобы достать блокнот.

– Записываете? – спросил вернувшийся женский голос и продиктовал два одиннадцатизначных номера, с необычно длинным кодом межгорода. Асакава быстро записывал.

– Да, и на всякий случай. Какиенибудь еще базы отдыха есть?

– Есть на озере Хамана, и еще в префектуре Миэ – там есть маленький городок Хамадзима, где находится примерно такая же комплексная база отдыха.

Нет, далеко! Для школьников или студентов это была бы слишком дорогостоящая поездка.

– Действительно, базы стоят на тихоокеанском берегу. Надо же, все соответствует названию!

Телефонистка тут же начала тараторить, какие прелести и золотые горы ожидают каждого, вступившего в клуб «Тихоокеанские курорты». Асакава некоторое время терпеливо слушал, но, в конце концов, прервал ее тираду.

– Все ясно. Подробности прочитаю в буклете. Вышлите его, пожалуйста, вот по такому адресу...

Он назвал свой адрес и положил трубку. Слушая телефонистку, он и вправду начал подумывать, что неплохо бы выкроить день и вступить таки в вышеуказанный клуб. С того времени,

как уснула Ёко, прошел час, родители уже уехали в Асикага, а Сидзука гремела тарелками в раковине на кухне, оставив сестру с ее мыслями.

Асакава взялся ей помогать и героически таскал посуду из гостиной.

– Слушай, ты сегодня правда какойто не такой... – сказала Сидзука, не отрываясь от мытья посуды, – Ёко спать укладывать кинулся, на кухне со мной возишься. Что это на тебя напало? Просто чудо, а не муж – всегда бы так.

Меньше всего Асакава хотел, чтобы ему мешали думать, и был бы крайне рад, если бы жена на некоторое время стала живой иллюстрацией собственного имени. Лучший способ заткнуть ей рот – просто не отвечать.

– Кстати говоря, ты когда Ёко укладывал, памперс ей надел? А то не хватало еще, чтобы она в гостях циновки замочила.

Не реагируя на вопрос, он молча разглядывал стены на кухне. Тиэко умерла здесь. Говорят, на полу были осколки стекла и разлита кола. Вероятнее всего, когда она доставала бутылку из холодильника, сработал тот самый злополучный вирус. Асакава открыл дверцу холодильника и, пытаясь воспроизвести сцену смерти, стал пить из воображаемого стакана.

– Ой, ты чего!?

Жена застыла с открытым ртом. Асакава продолжал. Не прекращая «пить», медленно обернулся назад, и его взгляд уперся в стеклянную дверь между кухней и гостиной. В ней отражалась лампа дневного света, висящая над раковиной. Снаружи было еще светло, в гостиной горел свет, а из кухни в стекле отражалась только лампа, но не лица людей. Если предположить, что в ту ночь, когда здесь стояла Тиэко, в кухне горел свет, а по ту сторону двери было темно, то получается, что... Именно! Дверь превращалась в зеркало и отлично отражала все, что было на кухне. Ему на секунду показалось, что дверь, как видеопленка, сохранила в себе все, что случилось. Удивительная вещь – стекло. Простая игра света и тени то придает ему прозрачность, то превращает в зеркало. Асакава вплотную приблизил лицо к стеклу.

Едва Сидзука коснулась его спины, как сверху раздался детский плач. Проснулась Ёко.

– Ёко проснулась, лапочка!

Почемуто показалось, что Ёко плачет неестественно громко, гораздо громче, чем обычно, когда просыпается среди ночи. Сидзука обтерла мокрые руки полотенцем и, взволнованная, побежала наверх. Вместо нее в кухню вошла Ёсими. Асакава протянул ей карточку.

Вот, возле пианино валялась, – сказал он как ни в чем не бывало и ждал реакции.

– Странно. Откуда это здесь? – недоумевая, покачала головой Ёсими.

– Может, это ктонибудь из друзей Тиэко?

– Но я и имени такого не слышала – Нонояма. Даже не знаю, был ли у нее такой друг, – ответила Ёсими и, не скрывая удивления, посмотрела на Асакаву, – Айай, это же, наверное, чьято важная вещь. Боже мой, о чем только эта девочка думала?... – у Ёсими явно комок подкатывал к горлу. Асакава чувствовал, что даже самая мелочь будет во сто крат усиливать ее грусть, и не решался спросить.

– А... может быть, Тиэко летом на турбазу с друзьями ездила, или...

Ёсими только отрицательно покачала головой. Она доверяла дочери. Соврать родителям и укатить куда-то в компании с ночевкой, да еще перед самыми экзаменами Тиэко не могла. На нее это не похоже. Асакава понимал чувства Ёсими, и не хотел более касаться этой темы. Чтобы девочка на пороге экзаменов, против воли родителей, взяла и поехала с парнем отдыхать в отдельном домике на турбазе? Быть такого не может. Наверняка сказала, что пошла готовить уроки к подруге. Родители определенно ничего не знают.

– Давайте, я тогда сам разыщу хозяина и верну ему карточку, хорошо?

Ёсими безмолвно кивнула и быстро вышла из кухни: ее как раз позвал муж. Лишившийся единственной дочери отец сидел на коленях перед новеньким буддийским алтарем, глядел на

стоящую там фотографию и как будто тихо говорил с ней о чемто. Его голос был пугающе безмятежным, отчего Асакава почувствовал себя прескверно. Наверное, в глубине души тот все еще отвергает грубую реальность. Что ж, остается только молиться, чтобы эти люди сумели скорее оправиться от постигшего их горя.

Пока ясно одно: если бы этот Нонояма сам дал свою членскую карточку Тиэко, то, узнав о ее смерти, позвонил бы родителям и попросил вернуть. Но Ёсими ничего не знает. Вряд ли Нонояма забыл о карточке. Как и любой из членов его семьи, заплатив немалые взносы и потевряв билет, никогда не пустит все на самотек. Чем же тогда все это объяснить? Асакава принялся размышлять: «Нонояма вполне мог дать свое удостоверение комуто из оставшихся троих, то есть Ивате, Цудзи или Номи. Но карточка могла какимто образом попасть к Тиэко и остаться у нее. После этого Нонояма связывается с родителями того, кому дал карточку, те пытаются ее найти, но не находят, и вот она здесь». Так что, если попробовать связаться с семьями остальных погибших, то вполне возможно, что удастся выйти и на Нонояму. И позвонить им лучше сегодня же вечером. А если не получится ничего выяснить, то, по всей вероятности, карточка не имеет прямого отношения к делу. Но встретиться с Ноноямой в любом случае не помешает. В крайнем случае, можно попытаться найти его по членскому номеру «Тихоокеанских курортов». Если обратиться непосредственно на фирму, там вряд ли скажут его координаты, но дело мастера боится, и всегда можно пустить в ход журналистские связи.

Асакаву кто-то звал. Голос откудато издалека: «Кадзуюки!». Это был голос жены, перемежающийся с детским плачем.

– Кадзуюки! Ну, где ты? Иди сюда скорее!

Асакава очнулся от раздумий. На мгновение он даже забыл то, о чем думал. Плач Ёко действительно был странным, и чем ближе, тем внятнее это ощущалось.

– Ну, что такое случилось? – недовольно спросил Асакава.

– С Ёко что-то неладно. Смотри, она обычно так не плачет. Не заболела ли?

Асакава пощупал лоб дочери. Температуры вроде бы нет. Ручки дрожат, и эта дрожь передается всему телу, так что даже спинка подрагивает. Лицо покраснело, глаза плотно зажмурены.

– И долго она так?

– Так ведь никого рядом не было, когда она проснулась!

Ёко часто плачет, если просыпается в комнате одна, но сразу же успокаивается, как только мама возьмет ее на руки. Когда ребенок плачет, он всегда пытается что-то выразить, но что означал этот ее плач? Все, что угодно, только не «приласкайте меня». Маленькие ручки она крепко прижала к лицу. Может быть, испугалась чего-то? Да, наверняка. Она явно напугана, и очень сильно. Ёко откинула головку и приоткрытым кулачком как будто указывала на что-то перед собой. Асакава поднял глаза: сантиметрах в тридцати от потолка на столбе висела большая маска дьяволицы Ханья. Так вот в чем дело!

– Аа, смотри! – мотнул он подбородком в сторону маски. Они одновременно посмотрели на лицо ведьмы, потом друг на друга.

– Ты что же думаешь, она черта испугалась?

Асакава поднялся, снял со столба маску и положил на шифоньер, так чтобы Ёко не могла ее заметить. Плач в ту же секунду умолк.

– Вот оно что! Ёко, маленькая, ты у нас чертиков боишься! – Сидзука ласково потрепала щечки дочери. Разобравшись в чем дело, она, кажется, успокоилась, чего нельзя было сказать об Асакаве, которому вдруг почему-то захотелось скорее убраться из этой комнаты.

– Ну, хватит, пошли домой, – поторопил он жену...

Вечером, вернувшись домой от Оиси, Асакава по порядку обзвонил семьи Номи, Цудзи и Ивата. Нужно было выяснить, не обращался ли кто-либо из знакомых их детей по поводу

членского удостоверения. Последней подошла к телефону мать Иваты и залпом выпалила: «Вы знаете, нам звонил человек, который назвался старым школьным другом сына и попросил вернуть ему членское удостоверение. Чтото, связанное с курортами... Мы обыскали всю комнату, но так ничего и не нашли. Даже неудобно перед человеком». От нее Асакава узнал и телефон Ноноямы, которому тут же и позвонил.

Нонояма подтвердил, что в последнее воскресенье августа действительно встретился с Иватой в Сибуя и дал ему на время свое клубное удостоверение. Ивата говорил ему, что гдето «поднял» себе подружкушкольницу и собирается поехать с ней куданибудь провести ночьку.

– Ну да. Летние каникулы уже кончались, и, не порезвившись вдоволь, о занятиях нечего было и думать...

– Чудакчеловек! Откуда у студентовподготовишек летние каникулы? – засмеялся в ответ Нонояма.

Последнее воскресенье августа было 26 числа, и если уж они куда то и поехали, то это было в один из дней 27го, 28го, 29го или 30го августа. С сентября, где бы ты ни учился, везде начинается новый семестр.

Наверное, от долгого пребывания в гостях в незнакомом доме, Ёко настолько устала, что сразу же отправилась спать вместе с мамой. Изза двери спальни слышалось их дружное посапывание. Девять часов вечера... Наконецто и у Асакавы появилось время отдохнуть и собраться с мыслями. Если бы жена и дочь не спали, в тесной двухкомнатной квартире деваться было бы некуда. Асакава достал из холодильника бутылку пива, наполнил стакан. Зажмурился, смакуя терпкий вкус. Итак, находка членского удостоверения – большой шаг вперед, это однозначно. То, что Сюити Ивата и трое его друзей воспользовались базой отдыха «Тихоокеанских курортов» между 27 и 30 августа – весьма и весьма вероятно. И, скорее всего, они сняли себе коттедж именно на турбазе «Пасифик Ленд» в МинамиХаконэ. Все остальные базы значительно дальше от Токио, а чтобы студенты с их скудным бюджетом решили группой с шиком отдохнуть в отеле – это уж совсем неправдоподобно. Самый естественный путь для них – снять дешевый домик, воспользовавшись клубным удостоверением. В таком случае все удовольствие обойдется примерно в пять тысяч иен, то есть всегонавшегося по тысяче с хвостиком «с носа». Телефон турбазы был уже на руках. Асакава положил перед собой блокнот. Позвонить в конторку и спросить, не снимал ли ктонибудь домик для четверых на имя Ноноямы, казалось бы, быстрее всего. Да только по телефону никто ничего говорить не станет. Администраторы там прекрасно обучены и, само собой, приватную информацию о своих клиентах разглашать откажутся наотрез. Будь ты хоть трижды корреспондент крупного издания, по телефону администратор ничего не расскажет. «Тут первым делом следует связаться с какойнибудь местной конторой, найти юриста со связями, который сможет добиться разрешения просмотреть журнал регистрации проживающих», – решил для себя Асакава. В подобных случаях, единственные, кому администратор обязан показывать документацию, это представители полиции и адвокаты. Если Асакава представится кемто из них, то сразу привлечет к себе внимание и поставит под удар свою фирму. Так что, первоначально следует продумать наиболее безопасный путь. С другой стороны, все это потребует времени – дня тричетыре, не меньше. Столько не вытерпеть: хочется все знать уже сегодня и сейчас. Детективный азарт разобрал его уже настолько, что три дня казались непростительно долгим сроком. Что же, черт побери, за всем этим кроется? Если совместная поездка этих четверых на турбазу в МинамиХаконэ действительно окажется причиной их таинственной гибели, то что же, собственно, там случилось? Вирусы, вирусы... Для себя окрестив это «вирусом», он отлично понимал, что такое название – всего лишь прикрытие, попытка противостоять мистическому, иррациональному *нечто*. Научный взгляд на паранормальные явления, в принципе, логически оправдан: нет смысла объяснять непонятное непонятными же терминами. Все следует переводить на естественный и понятный язык.

Ему вспомнился плач Ёко. Почему маска черта, увиденная сегодня вечером, напугала ее до такой степени? По пути домой, в поезде, он еще спросил у жены:

– Слушай, ты Ёко о чертах раньше рассказывала?

– То есть?

– Ну, картинки из книжек показывала, может быть, или что-то еще. Давала ей понять, что *черти – это страшно!*

– Мм... Да нет.

На том разговор и оборвался. Сидзука не испытывала сомнений. Но Асакаве что-то не давало покоя. Чтобы так напугать человека, нужно затронуть его глубинные инстинкты, просто так страх не возникает. Человек издревле привык чего-то бояться: грозы, урагана, зверей, вулканов. И еще темноты... Когда звук грома начинает ассоциироваться с опасностью молнии, ребенок начинает инстинктивно его бояться. Но тут важно то, что гром – абсолютно реальная вещь. Это очевидно. И вот здесь возникает вопрос! Черти – как быть с ними? Возьми любой толковый словарь, и там понятие черта трактуется как «мифическое чудовище», или же «дух умершего». И если бояться черта только из-за его страшного лица, то по той же причине следует бояться и Годзиллу. Ёко однажды увидела в витрине универмага его искусно сделанную куклу. И никаких страхов. Какое там! Один живой интерес, глаза горят – не оттащишь! Годзилла, как ни крути – абсолютный вымысел. А что же Черт? Чисто японская выдумка? Нет, ничего подобного, в Европе есть такой же персонаж. Дьявол... Второй стакан пива оказался пресным. Есть ли еще *что-нибудь*, чего Ёко могла испугаться? Есть! Темнота. Темноты она боится беспредельно. Если в комнате не горит свет, в одиночку она туда ни ногой. И, кроме всего прочего, тьма как антипод света существует совершенно определенно. Вот и сейчас Ёко, обнявшись с мамой, спит в абсолютно темной комнате...

Глава II

Горное плато

1

11 октября, пятница

Дождь усиливался, и приходилось все время ускорять «дворники». Погода в Хаконэ изменчива: в окрестностях Одавара может быть ясно, но чем выше забираешься в горы, тем влажнее становится воздух, и вблизи перевала Асакаву неоднократно настигал проливной дождь и сильный ветер. Днем еще можно художественно выгадать погоду по виду облаков, окутавших гору Хаконэяма, но с наступлением темноты приходится смотреть лишь вперед, в разрываемый фарами мрак, и только остановившись и выйдя из машины, вдруг замечаешь, что куда-то исчезли все звезды. Когда он сел на поезд в Токио, на город только спускались сумерки. Когда брал напрокат машину на вокзале Атами, луна то пряталась, то выныривала из-за облаков. А теперь редкие капли, блестками выхватываемые из темноты светом фар, превратились в стопроцентный ливень.

Электронные часы над спидометром показывали 19:32. Асакава навскидку подсчитал, сколько времени потребовалось, чтобы добраться досюда. В поезд он сел в 17:16, в Атами прибыл в 18:07. Пройдя билетный контроль, пошел брать машину и в 18:30 уже сидел за рулем. Потом купил в супермаркете пару упаковок лапши «Cup Noodle», маленькую бутылку виски, и до семи часов мотался по улицам, пытаясь выбраться из города, где сплошь и рядом одно-стороннее движение.

Прямо перед глазами возник вход в туннель, залитый яркооранжевым светом. Сразу за этим тоннелем начинается шоссе Нэкан, на котором должен быть указатель на «Пасифик Ленд». Стоило только въехать в туннель, прорезающий ущелье Танна, как тут же изменился звук разрезаемого воздуха. Одновременно кожа на руках, переднее сиденье – все в машине окрасилось в оранжевый цвет, вмиг утратив влажную бледность, и теперь казалось бархатистым. Ни одной машины навстречу; «дворники» впустую скребли по сухому стеклу, и Асакава отключил их. Надо полагать, к восьми часам будем на месте... Дорога была сухая, но жать на газ не хотелось совершенно. Асакава инстинктивно чувствовал неладное и ехать туда не хотел.

Еще в 4:20 пополудни он сидел в издательстве и не сводил глаз с жужжащего факсаппарата: из щели медленно выползал листок с ответом из департамента в Атами. Ответ должен был включать копию списка постояльцев коттеджей с 27 по 30 августа. Пробежав глазами распечатку, Асакава буквально запрыгал от радости. В списке были четыре знакомых имени. Нонояма, Тиэко Оиси, Ёко Цудзи, Такэхико Номи. Все четверо в ночь с 29 на 30 августа оставались в коттедже Б4. Под именем Ноноямы явно прятался Сюити Ивата. Теперь было ясно, где и когда четверо были вместе. В руках был точный адрес: НисиХаконэ, курорт «Пасифик Ленд», коттедж Б4. До их таинственной смерти оставалась ровно неделя.

Не сходя с места, Асакава схватился за телефон и набрал номер администрации коттеджей. Нужно было во что бы то ни стало забронировать на сегодняшний вечер корпус Б4. Времени было предостаточно – главное только завтра в 11 утра успеть на заседание редколлегии.

«Надо ехать. Первым делом, посмотреть все самому...»

Его обуяло нетерпение. Что ждет его там, на месте? Даже представить трудно...

Сразу за выходом из туннеля был турникет для оплаты, Асакава протянул три стоиеновых монеты и спросил:

– Мне бы в «Пасифик Ленд» добраться, я правильно еду?

Перед выездом несколько раз просмотрел по карте, так что и сам мог объяснить кому угодно, как проехать. Просто вдруг показалось, что уже тысячу лет не видел живого человека, и захотелось хоть с кемнибудь перекинуться парой слов.

– Дальше будет указатель, там поверните направо.

В руку скользнул листок квитанции. «При такой «загруженности» дороги одних контролеров содержать, и то накладно», – подумал Асакава: «И сколько же он еще собирается стоять в своей железной будке?...» Но проезжать почемуто не решался, и контролер уже начал косо поглядывать. Изобразив на лице смущенную улыбку, Асакава нажал на педаль.

Радость оттого, что нашлосьтаки место, общее для всех четверых, за считанные часы улетучилась, как и не было. Четыре человека остановились на ночь в деревянном коттедже и ровно через неделю погибли. Их лица теперь плыли над ресницами и, ехидно улыбаясь, нашептывали: «Еще не поздно, не поздно вернуться...» Ну уж нет, не дождетесь, мы уже почти у цели! Журналистский азарт давал себя знать. Браться за расследование в одиночку было, прямо скажем, страшновато, но к кому еще тут обратишься за помощью? Можно, конечно, попросить того же Ёсино – уж онто согласится без вопросов, но доверять столь лакомый кусок человеку одной с тобой профессии было бы неразумно. Здесь нужен кто-то, кто не будет совать нос куда не просят и вставлять палки в колеса, а согласится вместе до конца распутывать дело... но кто? Нельзя сказать, чтобы кандидатуры не было совсем: был у него один знакомый, который взялся бы помогать из чистого энтузиазма. Вдобавок, обладающий недюжинными познаниями в нужной области. Университетский профессорпочасовик с уймой свободного времени. Идеальный кандидат. Правда, большой оригинал, не лишенный своих «заскоков», и удастся ли их вытерпеть – другой вопрос.

Указатель на «Пасифик Ленд» стоял на пологом склоне. Не неоновая надпись, а обычный белый фанерный щит с намалеванной черной надписью, на какоето мгновение мелькнувший в свете фар, так что немудрено и проглядеть, стоит только на секунду отвлечься. Асакава свернул влево, на проселок, идущий вверх через поля. Узковато для дороги на элитный курорт – скорей можно подумать, что впереди тупик. Изза крутых поворотов и полного отсутствия фонарей приходилось все время подниматься на первой скорости.

Но дорога, как ни странно, тупиком не заканчивалась, а все шла и шла вверх. Чем выше, тем чаще мелькали по обеим сторонам дачные домики на продажу. И вдруг, дорога ни с того ни с сего изменилась, превратившись в шоссе двустороннего движения, с отличным асфальтовым покрытием и стильными фонарями по сторонам. «Надо же! – подумал удивленно Асакава, – стоило въехать на территорию «Пасифик Ленда», как все тут же засверкало роскошью. А то, что было до этого, как прикажете назвать? По бокам сплошная кукуруза да тростник; дорога и без того узкая – а тут еще стебли эти с обеих сторон свешиваются! Едешь, только и думаешь, чтобы ни дай бог, изза поворота ктонибудь не вынырнул. Не дорога, а...»

По ту сторону широкой автостоянки виднелось трехэтажное здание – здешний информационный центр и ресторан. Не долго думая, Асакава запарковал машину прямо перед входом и направился в холл. Часы показывали ровно восемь – все шло по намеченному графику. Откуда-то слышались удары по мячу: «поннн, понн...». К зданию примыкал теннисный корт на четыре площадки: в тускложелтом свете махали ракетками несколько мужчин и женщин. Как ни странно, все четыре площадки были заняты. Вот уж чего не мог понять Асакава, так это что могло заставить людей в начале октября, в четверг, посреди недели, в восемь вечера тащиться в такую даль, только чтобы поиграть в теннис. За кортом, далекодалеко внизу мерцали ночными огнями Мисима и Нумадзу. А еще дальше расстилалась черная как смоль гладь бухты Тагоноура.

Ресторан был сразу напротив входа. Через стеклянную стену было видно все, что творилось внутри. И было чему удивиться: несмотря на то, что ресторан закрывается в восемь, зал

почти наполовину заполнен народом. Семьи с детьми, какие-то женские группы... Ну и ну! – подумал Асакава, – Откуда же их столько понаехало? Чудеса! Неужели они все сюда прикатили по той же дороге, что и я? Не иначе, тут еще какая-нибудь дорога есть – пошире да посветлее. Но нет, он точно помнил слова телефонистки, объяснявшей дорогу до «Пасифик Ленда»: «Примерно посередине шоссе Нэккан сверните налево, а дальше по горной дороге». Асакава так и сделал. Стало быть, не может быть никакой другой дороги.

Понимая, что заказы уже не принимают, Асакава все же прошел в ресторан. За широким, во всю стену, окном описывал плавную дугу хорошо ухоженный газон, спускающийся в сторону ночного города. Свет в зале, скорей всего, специально держали приглушенным, чтобы посетители могли насладиться прекрасной панорамой ночных огней. Асакава поймал за локоть пробежавшего мимо официанта и спросил, как дойти до коттеджей. – Вон по той дороге поверните направо, дальше прямо, и метров через сто увидите административный корпус. – Стоянка там есть? – Прямо перед зданием.

Вот как, сюда и заезжать-то было незачем – ехал бы себе прямо, и дорога сама привела бы на место. Асакава до некоторой степени разбирался в собственной психологии. Похоже, беспокоиться было не о чем. Онто ожидал увидеть нечто в духе «Пятницы13», какой-нибудь замшелый бревенчатый сруб, который даже отдаленно нельзя назвать современным, но как раз такими вещами здесь и не пахло. Перед глазами было очевидное свидетельство того, что цивилизация сумела пробиться и в эту глушь, а это само по себе внушало некую уверенность в себе. Станным казалось только одно обстоятельство: при откровенно убогой дороге снизу, здесь – в «горном мире», так много людей развлекается в ресторане и на корте. Асакава и сам затруднялся ответить, что его, собственно, настораживало. Просто во всех, кто был вокруг, не ощущалось одного незначительного нюанса – жизни...

И в ресторане, и на корте было полно народу, так что из коттеджей наверняка будет слышен веселый гвалт отдыхающей толпы. Асакава на это подспудно надеялся. Однако, глядя в долину от края стоянки, среди беспорядочно растущих деревьев из десяти коттеджей от силы можно было разглядеть шесть. Дальше, внизу, куда не доходил уже свет фонарей, расстилалась абсолютная тьма, не нарушаемая ни единым лучиком света, пробивающимся из окна. Хорошо еще, что корпус Б4, в котором предстояло остановиться на ночь, стоял где-то на самой границе света и тьмы, хотя виднелась только верхняя часть двери.

Асакава развернулся, открыл дверь администраторской и вошел внутрь. В конторке не было ни тени человека, только откуда-то доносился звук работающего телевизора. Судя по всему, смотрели не телепередачу, а какое-то западное видео – слышалась английская речь, отражение экрана колыхалось в стеклянной дверке шкафа впереди. В шкафу, утопленном в стену, ровными рядами стояли на полках футляры с видеокассетами. Асакава оперся о конторку и подал голос.

– А... добро пожаловать! – перед ним мгновенно возник невысокий человек лет шестидесяти, склонил голову. Не иначе, это он любезно предоставил всю необходимую информацию, когда сюда наведальась инспекция из корпункта Атами во главе с адвокатом... Асакава изобразил на лице приветливую улыбку.

– Моя фамилия Асакава, по заявке...

Человек раскрыл тетрадь, проверил наличие заявки.

– Корпус Б4, верно? Вот здесь, пожалуйста, впишите Ваше имя и домашний адрес.

Асакава подписался своим настоящим именем. Членскую карточку на имя Ноноямы на руках уже не было – вчера он отослал ее по почте законному владельцу.

– Один останавливаетесь?

Администратор поднял голову и удивленно посмотрел на Асакаву. Видимо, до сего времени никто не снимал коттедж в одиночку – в отеле гораздо экономнее, если платить без членских скидок. Администратор выдал набор спального белья, кивнул в сторону шкафа.

– Видео напрокат не желаете? У нас хороший выбор, много известных фильмов...

– О, это все – напрокат?

Асакава небрежно пробежал глазами по этикеткам кассет, расставленных во всю стену. «Гонщики», «Звездные войны», «Назад в будущее», «Пятница 13»... Сплошь все известное, в основном фантастика, много нового. Судя по всему, коттеджами пользуются веселые молодые компании. Ничего особенно интересного на полке не было. Да и не за этим он сюда приехал – работа прежде всего.

– Я бы с удовольствием, да я здесь по делу... – Асакава многозначительно приподнял портативное «вапро». Похоже, для администратора это послужило вполне вразумительным ответом на вопрос, зачем человеку снимать в одиночку целый коттедж.

– А посуда в доме есть? – на всякий случай спросил Асакава.

– Конечно. Любая, какая понадобится.

Да ничего, собственно, не понадобится, кроме чайника для кипятка – лапшу заварить. Перед тем, как Асакава вышел, администратор объяснил ему, как пройти в корпус Б4, и подозрительно вежливо пожелал приятного времяпрепровождения.

Прежде чем коснуться дверной ручки, Асакава натянул заранее припасенные резиновые перчатки. Береженого бог бережет – кто его знает, что там за вирусы могут быть.

Отворил дверь, щелкнул выключателем в прихожей. Стоваттная лампочка осветила гостиную примерно в двадцать татами. Обои на стенах, ковер на полу, четырехместный диван, телевизор, обеденный сервиз – все в комнате было новое, с иголки, расставлено рационально, с толком. Асакава разулся, прошел в комнату. Снаружи был балкон, а на первом и втором этаже было еще по одной комнатке японского стиля, в четыре татами каждая. Да, пожалуй, для одного слишком большая роскошь. Вместе с кружевными шторами Асакава открыл стеклянную дверь балкона, впустил в комнату свежий воздух. Комната была предательски чистой, что даже немного расстраивало. «Неужели так и придется уехать, ничего не наковыряв?» – мелькнула мысль в голове Асакавы.

Он вошел в комнату рядом с гостиной, открыл дверцы стенного шкафа. Пусто. Снял рубашку и брюки, повесил на плечики, переоделся в майку и тренировочные штаны. Поднялся на второй этаж, включил свет в японской комнате. Грустно ухмыльнулся над собственным ребячеством: не успел зайти – уже свет везде повключал...

Озарив помещение, на всякий случай заглянул в туалет, убедился, что там никого нет, оставил в двери щелку. Вспомнил, как в детстве играл в страшилки. Летними ночами он ребенком боялся один ходить в туалет, и вот так же оставлял щелку в двери, которую снаружи сторожил отец. За перегородкой из матового стекла – красивая ванная комната, идеально чистая, без влаги на стенах, и ни на дне ванны, ни в раковине – ни единой капельки воды. Наверняка некоторое время здесь никто не останавливался. Резиновые перчатки прилипли к вспотевшим рукам и никак не хотели сниматься. Прохладный горный ветер шевелил шторы.

Асакава наполнил стакан льдом из морозильника, налил до половины привезенного с собой виски. Хотел добавить воды, но тут же закрыл кран, убедив себя, что просто со льдом вкуснее. Признаться самому себе, что в комнате было *это*, пока не хватало духу. Но насчет льда можно не беспокоиться: откудато взялась уверенность, что всевозможные паразиты боятся жара и холода.

Поподобнее устроившись на диване, включил телевизор. Зазвучал голос новомодной певицы. В Токио в эти часы идет та же программа. Асакава переключил каналы. Отрегулировал

громкость, хотя и не собиравшись смотреть, достал из сумки видеокамеру, установил на столе. Уж если случится что-нибудь, все надо будет запечатлеть на пленку.

Отпил глоток виски. На душе стало на полграмма легче. Асакава прокрутил в голове последние события. Если сегодня он ничего не найдет, задуманная статья пойдет прахом. Хотя, может оно и к лучшему. Ничего не найти – значит не подцепить загадочный вирус, значит не умереть таинственным образом, оставив жену и дочь. Асакава закинул ноги на стол.

...Итак, чего мы ждем? Что, и не страшно совсем? Эй, правда не страшно? А вот как Смерть сюда заявится, собственной персоной?

Ему стало не по себе, он бегал глазами, пытался сосредоточить взгляд в одной точке на стене, но не мог. Как ни старайся, чем больше тарачишься, тем больше обретает форму воображаемый образ.

Ветер снаружи усиливался. Прежде чем закрыть окно и задернуть шторы, на секунду он взглянул в темноту. Виднелась только крыша соседнего корпуса Б5, но ниже, в тени от стены стояла абсолютно непроглядная темнота. Казалось бы, и в ресторане, и на корте так много людей. Но почему-то здесь Асакава был совершенно один. Задернул шторы, посмотрел на часы. Восемь пятьдесят шесть. Еще и получаса здесь не пробыл, а кажется, что целый час прошел. Но просто быть здесь – само по себе не означает быть в опасности. Эта мысль слегка успокоила его. Встаки, корпус Б4 построен не вчера, а полгода назад, и здесь уже побывало достаточно постояльцев. И до сего времени, по его подсчетам, умерло из них всего четверо. Конечно, если покопать еще, возможно, будут и другие случаи, но пока что ничего не обнаружено. По сути дела, проблема не в том, быть или не быть здесь. Проблема в том, что здесь делать!

– И что же они тут делали? – Асакава слегка изменил постановку вопроса, – И что вообще здесь можно делать?

Ни в туалете, ни в ванной, ни в шкафу, ни в холодильнике ничего подозрительного не замечено. Даже если что-то и было, местный администратор наверняка давно все прибрал. Так что, чем распивать тут виски в тишине, не лучше ли поболтать с администратором?

Первый стакан допит. Нальем поменьше. Не хватало еще нализаться и заснуть. Водички нальем побольше, можно и изпод крана. Вроде бы и ощущение опасности притупилось. Кляня себя за то, что с таким трудом выкроил свободное время и так по дурацки его тратит, Асакава снял очки, вымыл лицо, поглядел на свое лицо в зеркале. Больное было лицо. А может, это уже злополучный вирус заработал? Асакава залпом высушил едва налитый стакан, наполнил снова.

Выходя из гостиной, он нашел под телефоном тетрадь. «Путевые заметки» было написано на обложке. Открыл на первой попавшейся странице.

7 июля. Суббота.

Нонко никогда не забудет этот день. Почему? Нескажу! Юити, а ты ласковый... хмхмхм...

NONKO

Обычная книга отзывов, как в любом пансионате. На следующей странице детской рукой коряво нарисованы портреты папы с мамой. Наверное, семейная поездка. Дата – 14 апреля.

Мама толстая моя

Папа толстый у меня

И поэтому конечно их такой же толстый сын!

Читырнадцатое апреля

Асакава перевернул страницу. Так и подбивало забежать вперед, но нужно было аккуратно просмотреть все по порядку, а то не мудрено и пропустить что-нибудь. Наверняка, многие постояльцы ничего не писали, так что однозначно утверждать трудно, но в общем было видно, что до сезона отпусков записи теснились в субботние и воскресные дни, с наступлением одного стали распространяться и на будни, а ближе к концу августа стало больше скорбных возгласов на тему «вот и лето прошло».

12 августа, воскресенье

Ааа... Каникулы кончаюцааа! А ничего хорошего и не было! Помогите, люди! Протяните руку помощи, погибаю! Имею 500кубовый моцик, и вообще я крутой и четкий. Девки, не прогадаете!

А.У.

Правильно, от стенаний к саморекламе. В целом, идеи у всех схожие. Приезжаем парой – пишем с подтекстом, приезжаем бобылем – вымещаем в тетрадь желание найти пассию. Но все равно читать забавно. Часовая стрелка уже зашкалила за девять. Читаем дальше.

30 августа, четверг

Опа! Предостережение! Трусливый, не смотри это! Пожалеешь! Хехехе...

S.I.

И больше ничего. Тридцатое августа – как раз предыдущим вечером здесь остановилась наша четверка. S.I. – Сюити Ивата, все сходится. И только его запись отличается от остальных. И что это значит, «не смотри *это*»? Какое такое «*это*»? Асакава на секунду захлопнул тетрадь, взглянул с торца, в одном месте между страницами увидел еле заметный зазор. Поддел его ногтем, открыл. Буквы ударили по глазам: «...Опа! Предостережение! Трусливый, не смотри *это*! Пожалеешь! Хехехе... S.I.» Какая сила открывает именно эту страницу? Асакава задумался. Скорее всего, они открыли тетрадь, а сверху придавили чемто тяжелым, и теперь тетрадь сама собой открывается в этом месте. А между «чемто тяжелым» и таинственным *этим*, которое нельзя смотреть, сам собой напрашивается знак равенства.

Асакава пострелял глазами по комнате, заглянул в телефонную тумбочку. Ничего там не обнаружил, даже карандаша.

Вернувшись на диван, стал читать дальше. Следующая дата – 1 сентября, суббота. На этот раз здесь была группа студентоководнокурсников, аналогичная всем предыдущим. И смотрели ли они запретное *это* – совершенно неясно. Ни одна из последующих записей на *это* не давала ни малейшего намека.

Асакава закрыл тетрадь, задымил сигаретой. Если *это* нельзя смотреть трусам, значит – понятное дело, *это* содержит в себе чтото ужасное. Открыв тетрадь на первом попавшемся месте, он слегка надавил между страниц. Чтобы победить упругость бумаги, *это* должно быть достаточно тяжелым. Пары «спиритических» фотографий тут явно недостаточно. Это мог быть, скажем, журнал или книга какаянибудь... Но в любом случае нечто, предназначенное для просмотра. Надо бы расспросить администратора, не находили ли в тот день в комнате чегонибудь странного после отъезда постояльцев. Он может и не помнить, но если это было достаточно странным, чтобы привлечь внимание, то наверняка не забыл. Поднимаясь с дивана, Асакава остановил взгляд на видеодвойке и замер, так и не разогнув колени. Все это время телевизор оставался включенным, на экране известная киноактриса в обнимку с пылесосом гналась за «мужем». Похоже, реклама производителей бытовой электроники.

Действительно, если положить на тетрадь стандартную кассету VHS, то ее веса как раз хватит.

Не меняя своей странной позы, Асакава затушил сигарету. В памяти мгновенно возникла видеокolleкция в администраторской. Возможно, они просто случайно посмотрели какойнибудь фильм ужасов, сами, как говорится, «заторчали» и решили пустить интригующий слух. Если только это, тогда... Нет, погоди! Почему тогда Ивата не написал название? Скажем, понравилась ему «Пятница 13» – так и написал бы толком, если хотел другим передать, а не пользовался местоимениями. Вроде бы незачем специально писать в тетрадке про какое-то *«это»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.